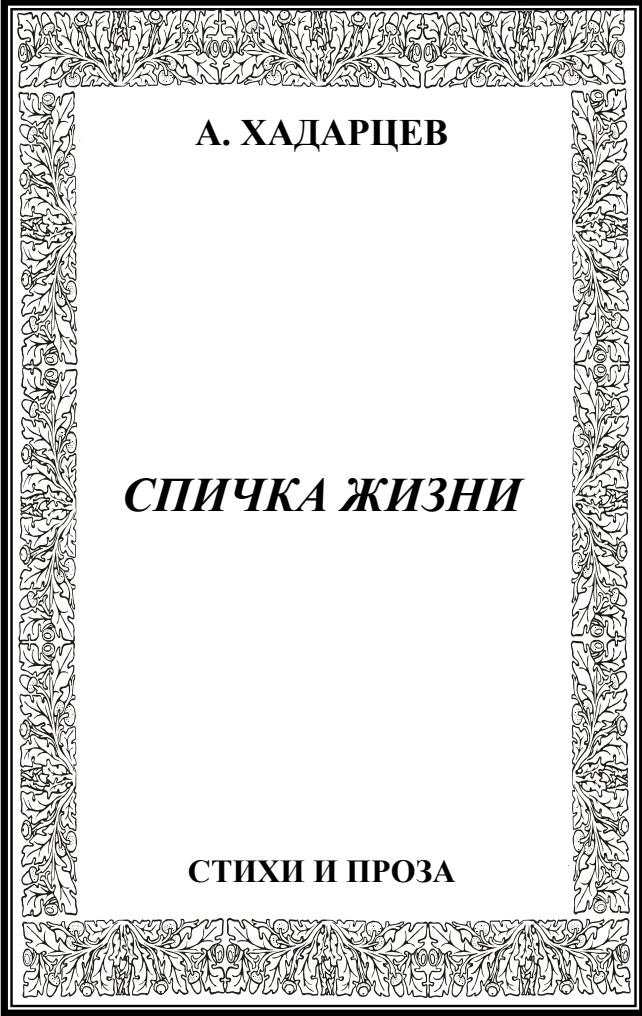

А. Хадарцев

Спичка жизни

Стихи и проза

А. ХАДАРЦЕВ

СПИЧКА ЖИЗНИ

СТИХИ И ПРОЗА

Творческий путь Александра Хадарцева, как поэта, измеряется всего тремя десятилетиями, а первая публикация подборки его стихов в альманахе «Ока» относится к 1990 году.

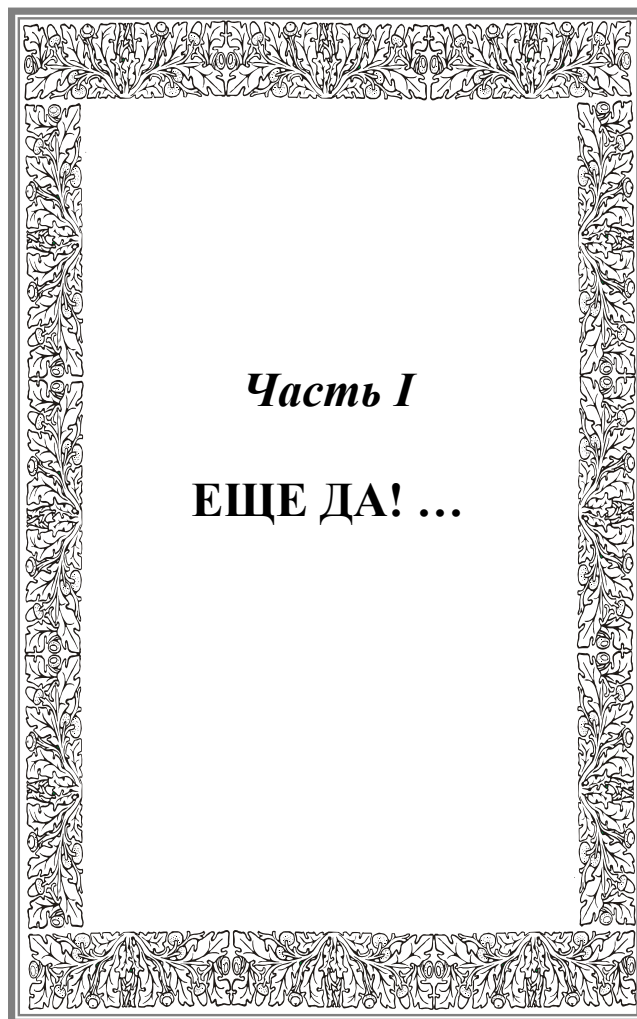
В 1992 году издаются сборники стихов «Что нарисую я на полотне...» и «Любви не найден интеграл», в 1993, 1995 и 1996 гг. — «Углы России забелил туман», «Не торопись остановить часы» и «Из Тульских засек голос мой», в 1997 г. — «Виртуальные надежды», в 1999 г. — «Витражей акварельные пятна», в 2001 г. — подборка стихов в альманахе «Прикосновение», а в 2002 г. — «У памяти преграды нет», «Извечных истин водопад». Отдельные произведения напечатаны в газетах «Медицинская газета», «Тульские известия», «Тула вечерняя», «Тульская правда», «Жизнь Правобережья», переведены на болгарский язык в газете «Медицина» (София).

Хадарцев А. Спичка жизни.— Тула: «Тульский полиграфист», 2003.— 180 с.

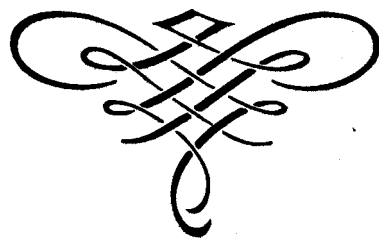
ISBN

© А.Хадарцев, 2003

© «Тульский полиграфист», 2003

Часть I
ЕЩЕ ДА! ...

ПРО «ЕЩЁ» И «УЖЕ»

Про «ещё» и «уже» – понаписано много,
Только думаю, как ни крути,
что **ещё** – не закончена наша дорога,
что **уже** – середина пути!

Есть четыре отрезка по жизни астральной,
в каждом – есть и вопрос и ответ.
Называется первый период – нормально,
в ожидании дел: «**Ещё нет!**»

Нет ни горя, ни славы, ни низкой зарплаты,
ни предательства бывших друзей...
И **ещё** не проставлены круглые даты,
потому что далёк юбилей.

У второго периода – имя простое,
словно «родина», «хлеб» и «вода».
Это – время отсутствия в жизни покоя,
а название ему – «**Уже – да!**»

Есть любимые девушки, крепкие руки,
есть работы любимой размах!
Ты **уже** различаешь волшебные звуки,
видишь скрытую тайну в глазах.

Ты **уже** познакомился с сексом и модой,
знаешь дружбы надёжной плечо,
упиваешься ярко-желанной свободой,

свечишь людям, сгорая свечой...
Ну, а третий период – приходит на взлёте,
неизбежно, как дней череда,
где по-прежнему ты – в каждодневной работе.
И название ему – «**Ещё да!**»

Есть **ещё** те, кто любит, но стало их мало,
пусть **ещё** не погашен задор.
Пресыщения жизнью **ещё** не настало,
и не слышен от женщин укор...

Но в четвёртый период – не стоит ломиться –
под названием тупым: «**Уже – нет!**»
Нет ни стойкости в членах, и ночью не спится,
есть – протёртость еды на обед...

Так что третий период – пусть будет подольше!
Пусть мерцает надежды звезда!
Нам – ни много, ни мало, но только – побольше!
И пускай говорят: «**Ещё да!**»

2002

БЛУЖДЕНИЯ ЛЮБВИ

Любовь блуждает по извилистым
тропинкам памяти твоей,
с цветами, а когда и с вилами,
встречая новый юбилей.

Блеснет тропинка, будто лысина
сверкнет под бренностью волос...
Пуškai ведет совсем не в высь она,
но у любви – особый спрос!

Ведь страсть все та же, даже в старости
сжигает время и покой!
И пусть приходит страж усталости
как можно позже за тобой!

Поступки юношески вздорные –
любви надежные друзья!
А грусть и стресс – «волки позорные»,
сдаваться им никак нельзя!

Такое, может быть, случается,
когда извилина одна,
когда бутылка выпивается
на треть ее, а не до дна!

Блуждай, мой друг, покуда блудится!
Живи взахлеб, но не тони!
Любовный жар пусть не остудится
в случайно солнечной тени!

2003

ИЩИТЕ ЖЕНЩИНУ

Французы говорят: «Ищите женщину!»
А, значит, — уходите в бесконечное...
в неясность... в дел немислимых заверченность...
в ответственность, и, всё-таки, — в беспечное...

Её дела — прогнозам неподвластные,
нет отрицанья им, нет оправдания...
Ведь женщина — по сущности прекрасная,
всегда права — от смеха до рыдания.

Взвивая легкой юбки многозначие,
туман духов навевая на грядущее,
она шуршит по жизни: то — дурача нас,
то — удивляя деловитой сущностью.

Она непредсказуемостью славится —
всё потому, что жизнь — явление личное.
А женский выбор крепким сплавом плавится
во что-то (для сторонних) необычное.

Так дай ей Бог удачи нежно-ласковой,
друзей хороших, чутко-понимающих,
что женский возраст праздничными красками
горит в глазах, по-юному — стреляющих!

2003

ЗОЛОТОЙ МИРАЖ

Золотое наважденье
бесконечно юных лет:
Новый Год и день рожденья –
светлых праздников сюжет.
В тишине большого зала
Слышен тихий шепот свеч:
«Я устала...я – устала...»
очень хочется прилечь...»
Заметалось в искрах пламя,
освещая глубь зрачков,
где легко взмахнул крылами
ангел самых чистых слов...
На спине чужие руки
ищут ласковый ответ,
но романсов старых звуки
ей подсказывают: «Нет!»
Сплошь – цветы и дуновенье
осторожности духов...
Это вечер сновидений...
Это – в будущее зов...
Просто хочется покоя
в суматохе и друзьях!
Пусть не знает, что такое:
в сердце боль и в жизни крах!
Дальний путь еще в начале,
ножки поступь так легка,
уплывают в ночь печали,
несерьезные пока...

Ни наветы, ни приметы,
ни завистливость людей,
ни обманные советы –
не страшны счастливой ей!
И от порчи, и от сглаза
бережет любви маяк.
Ночь душевного экстаза –
этой цели верный знак!
Золотое наважденье,
перекрестие путей,
вечной дружбы продолженье –
там, где правит Водолей.

2003

ТЫ ТАКАЯ...

Ты такая же, все такая,
как бы возраст не торопил!
Осторожно тебя обнимая –
жду вмешательства высших сил...

Пусть подольше совместное длится
без отсчета секунд и дней!
Правда, утром – чего-то не спится,
да дыхание стало ровней...

Только страсти – никак не уняться,
лихорадит сердечный галоп...
Сны цветастые в полночи снятся,
и морщинится рифмами лоб...

Ты – то дальше, то видишься ближе,
то краснеешь, то – снега белей...
Я тебя от любви – ненавижу
даже в самый седой юбилей!

И лаская тебя, лаская, –
тихо шепчет моя борода:
«Ты такая же, все такая!
И останься такой навсегда!»

2003

СЕСТРИЧКА

Когда сгорает жизни спичка
под ледящий вой пурги –
в палате слышится: «Сестричка!
Хоть чем-нибудь мне помоги!»

И ты идешь навстречу вьюге,
к тускнеющим глазам больных,
где жизнь уже в последнем круге,
где смерть не знает слов иных...

Чужая боль близка до боли!
свою профессию любя,
ты эту боль по доброй воле
берешь частично на себя.

Твой путь совсем не безнадежен,
пускай слаба здоровья нить!
Любой исход всегда возможен,
но брат по жизни – должен жить!

«Сестричка!» – слышится в палате...
и ты бросаешься туда,
набросив на себя халатик...
И – отдаляется беда.

2003

НУ И ПУСТЬ

Пахнуло легким трепетом «Клима»,
послышалось: «Давай начнем сначала!»
Потом сюрреализмом задышало
пространство воспаленного ума...

Быть может, терпкий Сальвадор Дали
в своих духах на белый свет вернулся,
кольнув усами небо, обернулся,
чтобы исчезнуть в скомканной дали?...

Быть может, ты поверила в меня,
когда теплом груди ко мне прильнула,
и руки на спине моей сомкнула,
себя, меня и белый свет кляня?..

К чему слова, когда глаза в глазах
упрямо ищут мыслей подтвержденья?
Пусть будет ревность, ссоры и сомненья,
но пусть неверье обратится в прах!...

2003

ПОСТОЯНСТВО

Их постоянство в том непостоянстве,
что возмущает славный род мужской,
который дамы уличают в пьянстве,
в финтах налево – с женщиной другой.

Все хороши на этом белом свете!
Процесс взаимодействия полов,
в раю начавшись, – длится на планете
уж не одно созвездие веков!

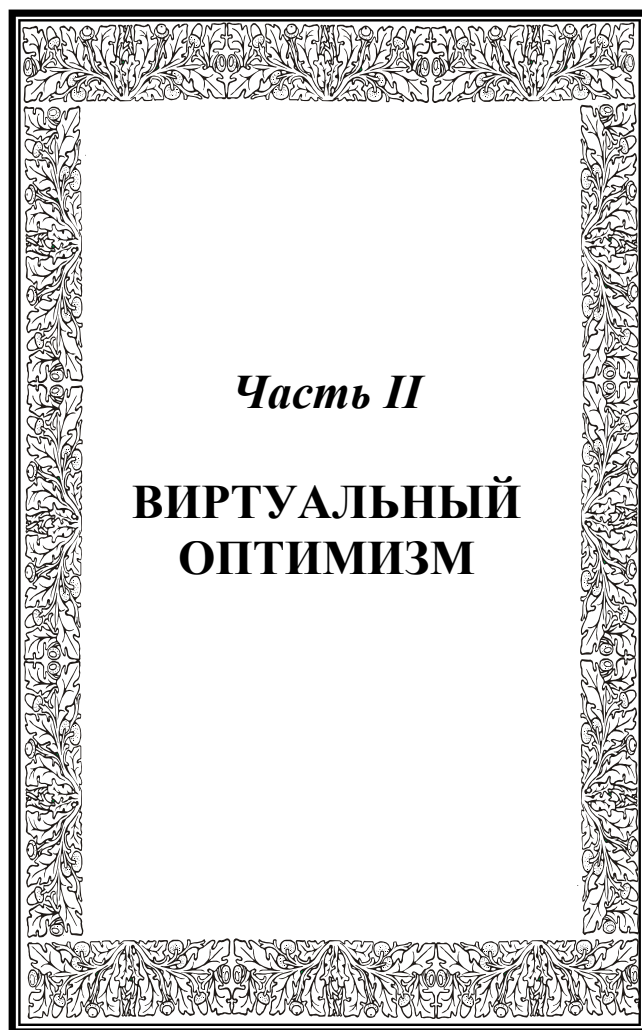
Как хорошо быть ласковой телятей,
меняющей кормильцев только так,
не углубляясь в таинство кроватей,
считая смену стержней за пустяк!

Им не хватает искренности сердца,
им мало добродушия друзей!
Двойную остроту (смесь хрена с перцем)
искать готовы в винегрете дней!

То вдруг кому-то просто улыбнутся,
а с кем-то переспят («всего делов!»)...
С мужьями рядом поутру проснутся
и загадают исполнение снов.

И в этом их святое постоянство –
нести непостоянства идеал,
собой пронзая время и пространство,
сводить к нулю влюбленности накал.

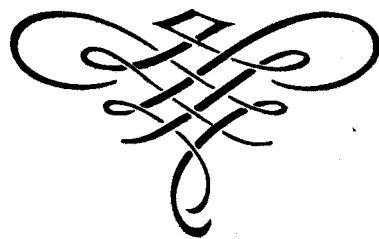
2003

Часть II

**ВИРТУАЛЬНЫЙ
ОПТИМИЗМ**

ГАРИКИ И ШУРИКИ

Губерман – это «гарики»,
Фукса друг – это «юрики»,
у кого-то – «кошмарики»,
у меня будут – «шурики».

Что имеем – не ведаем.
Не имеем – завидуем!
Потому и наведалась
банда бывших – в Завидово.

Рождена демократией,
как всегда недоношенной, –
то ль братва, то ли братия –
боль страны растревоженной.

От свердловских до питерских
лет тринадцать настукало.
Так и мчится наш литерный
в никуда – без кондуктора.

Водка хлещется литрами,
вся страна разворована,
вновь со сладостью приторной
ложность слов коронована.

Землю делят бездельники,
добывая недвижимость,
то как доллары в зелени,
то чубайсово-рыжие.

И не нужно им гариков –
только были бы тугрики!
Вновь собачится Шариков,
не читающий шуриков...

То ли циклы истории,
то ли вензель спиралевый?
Вновь Есенин в «Астории»,
да закат красно-палевый...

2003

НА ДЕРИБАСОВСКОЙ ХОРОШАЯ ПОГОДА...

На Тулу и Калугу льют дожди...
В Москве опять хорошая погода.
Там – царствуют по-прежнему вожди,
побрызгивая на судьбу народа...

Смывает дождь бюджетный профицит
и отмывает грязь с купюр бумажных...
Вновь совести и мысли – дефицит...
Кого мочить – верхам всегда не важно!

Оплакивает небо торжества
трехвекового ныне Петербурга...
Час истины – пока что не настал,
но снизился у властной кожи тургор.

Партийный объявляется прием
певцов, льстецов, и прочих скоморохов!
А мы на них работаем. Живем,
себе не позволяя лишних вздохов!

На Тулу и Калугу льют дожди...
В Москве и Путинбурге – солнце светит!
Там – хорошо! Там – царствуют вожди,
за чей покой – мы, как всегда, в ответе!

2003

РАНЬШЕ И ТЕПЕРЬ

Раньше было снижение цен,
а теперь – повышение пенсий.
Позади – отрицательный хрен,
впереди – положительный пенис!

Положили его на народ,
как теперь говорится, с прибором.
Вновь Россия к пучине гребет
и теряет людей под забором.

Власть и деньги – иконам взамен.
Имя Божье – используют все!
Хилый призрак благих перемен –
только в памяти нашей бытует.

Оскорбленную славу бойцов –
День защитника вряд ли искупит!
От подачек придворных льстецов
несварение мыслей наступит.

Миллиарды идут на дворцы,
что должны «возвеличить державу»
Как всегда без штанов – мудрецы
добывают для родины славу!

Призрак старый снижения цен
и фантом повышения пенсий.
Не дождется страна перемен,
если правит в правительстве пенис!

2003

РОЖДЕСТВО

В *темно-синевом* раздолье –
рыже-желтый овал...
Поднебесное застолье...
Снежно-пенистый бокал...
Фейерверком из бутылки
брызжет в небо CO₂...
Без шампанского горилка
будет точно – не права!
На Руси идет гулянье,
будто в ночь на Рождество
доброкрылое сиянье
осенило естество.
Вековой силой света
из неведомых высот –
Русь промерзшая согрета,
на реке худеет лед.
Или может айсберг синий
растопился в нас самих?
Или нежный снег России
слезно капнул и утих?
В небесах над Вифлеемом
негасимый звездный след...
на земле светло и немо,
тихо, будто горя – нет...
Тёплой ночью ясли дышат,
где ягненок ищет кров...
Всем нужна на время крыша
из надежды добрых слов.
Сине-темность небосвода,
желто-рыжевость луны...
В Рождество звучит природа
резонансностью струны.

2003

ТРИ ДЕВИЦЫ...

Мы мчимся по трассе
в потоке машин,
а где-то три дамы гуляют...
По-тихому «квасят»
за день именин,
но все-таки нас — вспоминают!

Весельем гудит
телефона труба!
А мы, как голодные волки!
Ведь есть аппетит,
и не дура губа,
и клацают зубы на полке!

Блатные мотивы
нам вместо еды,
грозятся то шконкой, то вышкой...
Но мы еще живы:
не пьем ерунды,
икаем — воздушной отрыжкой.

Почти что святые —
в жестянке судьбы
со скоростью более сотни
несемся, крутые...
Мелькают посты,
как в бешеном сне — подворотни.

Намерив ударные
сто тридцать пять,
гаишник из будки взвинтился
в обнимку с радаром,
но трудно догнать
того, кто летать научился!

А день именин
мы отметим потом,
когда он по новой наступит!
Уже без машин
по единой попьём,
и дамам – никто не уступит!

Но тосты, конечно,
пусть будут за них,
затеявших «междусобойчик»!
за жизнь, где извечно
взволнованный стих,
где пишет пес на заборчик!

Где солнца пожары,
где томность луны,
где с возрастом – жить интересней!
Где дамы – не стары,
а вдрызг влюблены
в застольные шутки и песни!

На смерть узелки
еще рано вязать,
коль праздником им именины!
Нет дрожи руки!
Есть пора – наливать!
Но пусть им помогут мужчины!

2003

ЧАЙНИК

Чайник свистом намекает
на кипение нутра,
просто так желая паром поделиться.
По бокам вода стекает –
выключать его пора,
если в жизни он не смог определиться.

А ему бы «без базара»
затушить горящий газ,
плесканув кипящей сутью на конфорки.
В ожидании пожара,
в неурочный жара час,
завершить незавершенные разборки.

Чайник, свистнув, захлебнулся,
потеряв свисток души,
отключив свое кипенье – до покоя.
Теплым вздохом колыхнулся
воздух в кухонной тиши,
и затих в угаре чайного запоя.

2003

ГУМАНИТАРНАЯ КАТАСТРОФА

Говорят – гуманитарное
неизбежно «катастрофие»!
И его находят где-то –
то в Афгане, то в Чечне...
А у нас – «Москва–товарная»,
где полно детей-дистрофиков,
необутых, не одетых,
утопающих в вине.

Сколько их, судьбой исколотых,
в наркотическом неведении
разрушают клетки, нервы,
превращая тело в прах?
Сколько жизней, перемолотых
в мясорубке «правоведенья»,
превращаются в резервы
тех, кто «парится» в «Крестах»?

Не беда гуманитарная
наступает в мире ветреном!
Катастрофа – надвигается
из-за скудости ума.
Роль правительства – бездарная!
Треугольник – равнобедренный!
А нога – к ноге касается,
без согласия, сама...

2003

ВСЕ ЛИ?

Все ли? Так ли? И было ли – сделано,
чтобы просто спокойно уйти?
Тихо-тихо листва шелестела нам
про иные дороги-пути.

Ветер был призывающе-истово
в ожидание больших перемен,
в узких щелях небрежно насвистывал,
натыкаясь на каменность стен.

Наступала морозность студеная
в снегохрустии новых идей...
Возвращалась суббота прощенная
на заснеженный плац площадей.

По весне клейкой зеленью нежился
черно-белых березок покров...
Как всегда, свет надежды забрезжился
в обещаньях таинственных слов.

Лютым зноем дышало спасение
от несбыточной кармы удач...
Под несносных цикад песнопение
начинал летний дождик свой плач...

Шелест листьев осенне-таинственный
в оголенных ветвях – вопрошал:
«Все ли сделал?» Вопрос не единственный!
И не сам я его задавал!

2003

ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ?

Снежный хруст декабря,
ночи сказочной тишь...
Почему выхожу я за рамки?
Столько прожито зря,
если ты говоришь,
что я строю воздушные замки!

Был непрочным кирпич,
виртуальным раствор,
лишь одна оболочка мерцала?
Но возможно ль достичь
с тех – до нынешних пор,
обстановки дворцового зала?

Все, что сделал, – пустяк?
Это просто – мираж?
(Тот, в котором и ты обитаешь!)
Жизнь прошла просто так,
как зачеркнутый стаж?
Ты за это меня упрекаешь?

Только был я рожден
делать все для людей,
под себя не сгребая округу...
Был всегда убежден,
что из всех площадей –
нет прекраснее «Помощи другу».

В этом замке моем
сотни разных статей,
книг, патентов, рожденных ученых.
Разве только объем?
А глубинность идей
в коридорных размахах взращенных?

В летаргическом сне,
но работа идет:
малым штатом и с низкой зарплатой.
Ты советуешь мне
заморозиться в лед?
Или с ветром заброситься в Штаты?

Ты меня не кори!
Я останусь таким,
каковым предназначен скитаться!
Пролетят декабри,
но седой пилигрим
не сумеет с ушедшим расстаться!

2002

ПАРАЛЛЕЛИ

Вспоминаем о тех, кто погиб «подо Ржевом»
от разрывов шрапнельных: своих и чужих,
опаленных шарахнувшим вдруг рыжим небом
ради громких побед у граничной межи...

На Великой войне – там, конечно, понятно,
где схлестнулись два мира безжалостно в лоб.
Свет от солнца струил не к Земле, а обратно.
Был в атаке – салют... и не нужен был гроб...

Только нет просветления в десятилетиях:
так же стонет страна от неясных утрат,
так же плачут судьбой обделенные дети,
на которых срывает свой гнев автомат...

Под предлогом любим: от Аллаха до нефти
поражает людей золотая чума...
Только чем человек за болезни ответит,
если рвутся страдания в наши дома?

Зеленеют глаза от шуршания баксов,
узит в точку зрачки повсеместный морфин,
на паскудную жизнь повышается такса,
да безмерный налог собирает Минфин.

Открывают огонь по «своим» – не чужие.
Это те, кто утратили главный контроль!
Если совесть пропала – пусть, даже мы живы,
только это для ада всегдашний пароль.

Ты погиб «подо Ржевом», я – в Москве на Норд-Осте,
наши судьбы едины в невиновности нас.
Мы лежать будем рядом, на вселенском погосте,
в ожидании мира – для живущих, для вас!

2002

НОРД-ОСТ

Не пессимизм, а оптимизм
в подлунном мире виртуален,
когда в заложниках лежит
страна не конченой войны.
Харизма века – терроризм –
хасидским поясом реален.
На женской талии – пластид
грозит разрывом тишины.
Глаза детей...неслышный плач... –
в набитом до отказа зале
с названием двойным – Норд-Ост,
где музыкальность визави...
Но есть у мира свой палач –
ствол автоматный крепкой стали,
свинцом плюющий в полный рост
проблем, и жизни, и любви...
Стокгольмский, говорят, синдром:
заложник – с террористом дружит.
Мол, есть особый тайный смысл
в единстве «пана» и раба!
Но только я уверен в том,
что раб – «хозяина» задушит,
когда расслабленную мысль
свободы позовет труба!
Пусть газ, впиваясь в мозга суть,
сонливостью смыкает веки,
внося разлад в жизневорот,
подталкивая в вечность сна!
Бог нам поможет не заснуть,
ведь мы – простые «человеки»,
которых непременно ждет
рожденья новая весна!

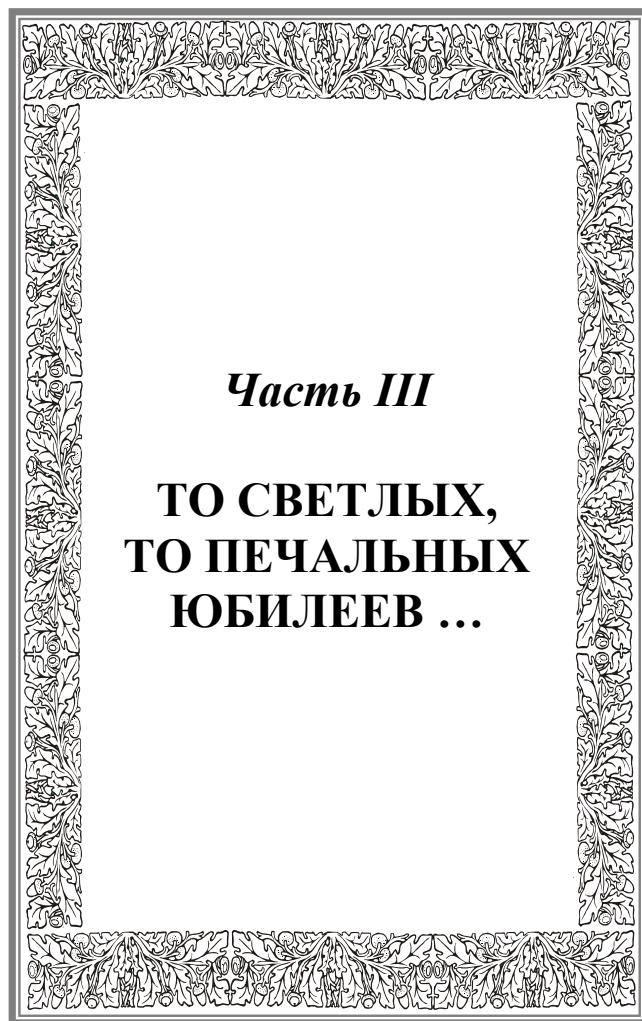
2002

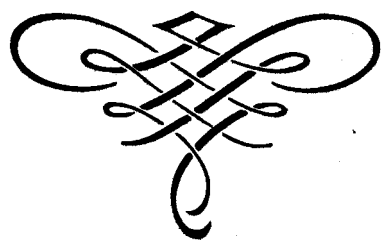

2003 год

Блеют козы на выгоне,
им пришедшемся кстати...
Люди – блеют о выгоде,
о хорошей зарплате.
Год две тысячи третий
надвигается монстром.
Тем, которого встретим,
как мента – «Коза ностра».
Был две тыщи – змеиный,
огнедыше-драконный,
а за ним – лошадиный,
от кнута – потогонный.
Третий в новом столетье –
год покорно-козлиный.
Он в пуховом берете,
с головою повинной.
Президента ответы –
будто речи оракула.
А на небе рассветы –
пивом с красными раками...
Льет сияние светлое –
на враждебную мельницу.
Только нежное с ветками –
все в муку перемелется!
От колючести розовой –
руки красятся ранами!
Пусть бы все были козами!
Только стали – баранами!

2002

ЖЕМЧУЖНЫЕ ДЕЛА...

Память бьется ночами
о бессонницы лед...
Тридцать лет за плечами,
а, как будто бы – год!
Необычностью светит
сквозь небесную хмарь,
в этом пасмурном лете
пожеланий фонарь.
Ведь жемчужины – счастье
рассыпает на лес,
по туманам ненастья,
и по сини небес...
Николай и Наташа –
не случайно на «ЭН»!
Это – молодость наша,
и надежд КВН.
Где-то в небе – ведущий
нас включает в игру:
и непьющих, и пьющих,
и в мороз, и в жару...
в связь колец бесконечных
на бесчислие лет,
не всегда безупречных,
но других – просто нет.
Наши шутки и песни
за столом до зари
завсегда интересней,
чем оценки жюри!

Пусть большого искусства –
никогда не видеть!
Только Колино чувство,
безусловно, – на «ять»!
Про «рушник вышиваный»
стоит Коле начать –
Паваротти Лучано
может век отдыхать!
А Натальины яства
да бесчисленность блюд –
без «фондю» и лукавства –
к ожиренью ведут!
Что нам Питер и Путин,
шоу лазерных сцен?
В них – ни света, ни сути,
только ложь перемен!
Правда жизни – в поселке,
где тепло и уют,
где Наташа и Коля
рядом с нами живут!
Пусть подольше продлится
их жемчужный просвет,
измерением в тридцать
приснопамятных лет!

2003

ХОРОШИЙ ВОЗРАСТ

Хороший возраст – шестьдесят!
Проснешься утром рано,
глядишь, цветы – и те стоят...
струит вино из крана...
идти за пенсией пора...
работа не тревожит...
Жаль, что такого вот утра
на свете быть не может!
Никак нельзя уйти в тираж,
и не дадут, поверьте!
Ты жизнь берешь на абордаж
с рождения – до смерти!
Вступаешь в возраст – шестьдесят
почти половозрелым!
Глаза как лазеры горят
с прищуром и с прицелом!
Крутой бойцовский держишь вес,
не сбить с пути и с толку!
Не будешь клясть российский стресс
и зубы класть на полку!
В апреле – мартовским котом
метнется жизнь по крышам!
А что случится, вот потом –
об этом и напишем!
Погода в Тулу по пути –
всегда пусть будет ясной!
Еще лет шестьдесят идти
тропой судьбы прекрасной!

Святой Георгий в небесах
поможет однозначно!
Лишь шесть десятков на часах,
и будущность – прозрачна!
Вокруг – полно друзей, подруг,
заздравных тостов – море!
Спасательный не нужен круг
на жизненном просторе!
Воды забортной здесь не пьют,
мы, чай, не на подлодке!
Здесь предпочтение отдают
нормальной русской водке!
«За полный, как всегда, вперед!» –
есть тост морской и верный.
Вперед! И жизнь тебя поймет!
И ты ее, наверное!

2003

В. Б.

Снова сбился я со счета –
сколько лет ему!
Да и толку что в подсчетах
сердцу и уму?
Этот мартовский котяра
возраст победил,
и спокойно, «без базара»,
здесь, в Заречье всплыл!
Вновь руководит делами,
снова – машзавод!
Как всегда, к столу с друзьями
он друзей ведет!
Ведь теперь, как мне шепнули,
наш Болясов – зам!
Он толковый! И с делами –
разберется сам.
Все желать – Володе будут
сорок сороков!
Но поднять бокал за Люду –
тоже я готов!
Пусть не буду знать подольше
возраста его!
Пусть ему прибудет больше,
даже сверх того!
Пусть на каждый день рожденья
«Тулица» гудит!
Пусть от тостов напряженья
водка закипит!
Пусть два раза и полстолька
длится жизни свет!
Но скажите все же – сколько
Вовке – полных лет?

2003

ГОД ОЧИЩЕНИЯ

Снилось кладбище дум недодуманных,
дел неслеланных тихий погост...
Там, где в кельях, из досок соструганных,
протянулись друзья в полный рост.

Мерзла водка в стаканчиках разовых,
стыла слез огуречная соль...
Кто-то тихо о прошлом рассказывал,
кто-то молча глотал алкоголь...

Март холодный насиловал градусник
темпераментом температур.
В плюсы – с минусов цельсовских градусов
грязь дорог превратив во фритюр.

Снег: то рыхлый, то липкий и мокнущий –
солнцесветных лучей баловство...
Да от тиши кладбищенской глохнувший
вешний воздух ласкал естество.

Крошка внучка в машине запряталась,
улыбаясь чему-то во сне...
Может, дружба дедов ей понравилась
в изначальной и первой весне?

Или просто – почуяла дедово
отраженье в пространстве миров,
и, улыбку его унаследовав,
погрузилась в спокойствие снов?

Понедельником чист от прощения
выбор дня, что до горькости прост...
Начинается год очищения
и Великий душевностью пост.

2003

КОГДА МНЕ БЫЛО ВОСЕМНАДЦАТЬ...

Когда мне было восемнадцать,
я тоже, кажется, шалил!
Мог твист и буги-вуги сбацать,
но, как тинэйджер, не кутил!

Не буду я давать советы!
Могу, но только – нет струи!
На все вопросы – есть ответы,
и у меня – они мои!

Уметь собрать себя из пепла
надежд, сгорающих в мечтах!
Уметь остыть в горниле пекла,
согреться в кармадонских льдах!

Держать себя прямой бамбука!
Не гнуться! И других – не гнуть!
Всех остальных важней наука,
как в жизни шею не свернуть!

Нельзя «тащиться» от кумиров
футбола, рока, иль толпы!
Их идеал, как клык вампира,
грызет хребет твоей тропы!

Не стоит плавать по течению
речей бездумных и пустых!
И относиться, как к лечению,
к советам недругов своих!

Я помню кодекс самурая:
«Ни у кого не занимать!»
Чтобы потом земля сырая
нас за долги не стала ждать!

Уметь держать свои привычки,
как скакуна, в узде ума!
Не зажигать от скуки спички,
когда вокруг бензина тьма!

Не буду я про солнце, воду,
что – наши лучшие друзья!
И что нельзя не зная броду...!
И что сырой воды нельзя...!

Увы, не всем дано природой
быть совершенными во всем!
Гордиться надобно – породой!
Ведь мы не шавками живем!

Дерзай мой внук, изведав меру!
Еще есть время впереди.
Ты Агубемира и Веру
(ну, да и нас) – не подводи!

Друзей надежных и соседей
по жизни – пусть дарует Бог!
Пусть любовь тебе засветит!
(Не в глаз, не в бровь, не между ног!)

Ну, а серьезно, надо вроде
тебе – везенья пожелать!
И восемнадцать пусть проходят,
и шестьдесят, и двести пять...!

2003

ВДОЛЬ ПО ГУРОВСКОЙ ТРЯСКОЙ ДОРОГЕ...

Если едешь на гуровский хутор,
где командует Полников – друг,
глянешь влево, – а там почему-то
открывается прошлое вдруг...

Там Никулинской шахты виденье
вырастает громадой в ночи...
Вспоминая ее день рожденья –
сердце в клетке – по ребрам стучит!

Но загнала судьба в пятый угол,
громоздя терриконы проблем...
Уголь – что? Он и в Арктике – уголь,
добывался в Москве кое-кем.

Кто на дальний Шпицберген забрался,
что-то там подо льдом добывал,
но от родины – не оторвался,
тот, конечно, Бродовского – знал!

Воздух Краинки – чем не московский?
Недра Тулы – Уралу подстать!
Потому и вернулся Бродовский –
смысл глубинный по жизни искать.

Только в нашем краю оружейном
и добро познается, и зло!
Необъятно друзей окруженье!
В этом всем – навсегда повезло!

По-соседски Степанов стучится,
Значит, встреча начнется тотчас,
и, конечно, за полночь продлится.
Ну а пить им придется – не квас!

А застолье – несет пониманье
смысла тостов, звучащих в ночи.
И сейчас (обратите внимание!)
в каждом слове – надежда кричит.

В шестьдесят – образ жизни загадкой,
нераскрытой во веки веков!
Вдруг Валерий займется зарядкой,
как Неделин сказал, – «без трусов»?!

Или станет в загоне на зверя,
как известный охотник – Олег,
и помчит, километров не мера,
раздвигая бульдозером снег?

Постройнеет тогда, будто Фризен!
Надоевший – уйдет диабет!
А здоровье – бесценнейшим призом
будет с ним сотню добрую лет!

Пусть он пьет хоть кефир, хоть горилку,
лет хотя бы еще шестьдесят!
Пусть закуска садится на вилку!
Пусть искрится от радости взгляд!

Нынче стрелки на час переводят,
но пускай снятся добрые сны!
Шесть десятков по нашей природе –
переход к середине весны!

2003

АСЕЕВОЙ Л.А.

Апрель-бродяга солнца свет рассеивал,
в зеркальных лужах размывая сны...
Возникла Люда (вовсе не Асеева)
в сиянии веснушек и весны.

Никто не знал в стране, судьбу вдыхающей,
про клоны, космос, Ельцина и СПИД,
что мир людей, лицо свое теряющих,
приобретет иммунодефицит.

Что Людочка (Людмила Александровна)
грозой синдрома – остановит плач.
Пусть хоть один, но пусть родится заново,
поверив в то, что может сделать врач!

Не страшен СПИД с клюкой своей пугающей,
когда улыбкой – горе сметено!
Когда в сердцах твоих друзей-товарищей
играет кровь, как доброе вино!

И пусть в пути все то, что надо, – сложится!
Достигнув цели – не прервется путь!
Пусть терпится, и любит, и может
на колее, с которой не свернуть!

Апрель-бродяга снова свет рассеивал,
блестяшки луж – то в хохот, то грустны...
Сияй по жизни, Людочка Асеева!
За вечность! За весну твоей весны!

2003

ОТДЕЛЕНЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЕ – 135!

Когда пытаешься отвлечься,
снимая надоевший стресс,
бывает, хочется улечься
в вагон плацкартный МПС.

А он, стуча по стыкам рельсов,
помчится в выдуманный рай.
И вот уж ты затих, угрелся,
на столике – душистый чай...

Проходит мимо проводница
с французским запахом духов...
И отделенческой больницы
пока еще не слышен зов.

Храпят на полках пассажиры
от вечера – и до утра.
Для них купе – почти квартиры.
Не спят лишь только доктора.

В дороге всякое бывает:
вдруг где-то что-то заболит,
а, может, в правый бок стреляет
твоей судьбы аппендицит?

Тогда сигналятся тревога,
хирург сурово смотрит в ночь...
И тут железная дорога
тебе пытается помочь!

Врачей отеческие руки
от бед привыкли исцелять!
Они от практики к науке
пришли в свои сто тридцать пять.

Они, как говорят, на страже
здоровья, силы, красоты,
а звон стеклянный им подскажет:
стакан не терпит пустоты!

2002

Л. М. К.

У женских дней рождений
    особенная статья:
из всяких положений —
    положено вставать!
В заздравьи тосты льются
    под бульканье вина,
бокалы стоя пьются,
    как правило, до дна.
Не стану лить публично
    глюкозных слов елей,
провозглашая зычно
    наставший юбилей!
Ведь женских юбилеев
    таинственен рассвет:
он только заалеет —
    и вот его уж нет!
Нет возраста и стажа,
    а только есть намек,
что два столетья даже
    для женщины — не срок!
Ей нипочем, мы знаем,
    коня остановить,
избы горящей пламя
    надежно затушить!
Врачебных дел свершенье,
    пожалуй, потрудней!

За всякое решение —
ответственность на ней!
Пусть молодежь, Людмила
(Михайловна — уже!),
узнает все, что было
на главном этаже.
Когда мы поддерживали
илиухинский размах —
То вместе начинали
на разных этажах.
Вначале я — на пятом,
а после — на шестом.
Ты с пятого накатом —
и стала главврачом!
Потом внушал сомненья
царивший беспредел,
но вновь скрутилось мнение
под вектор общих дел.
Вновь тучи с неба сдуло —
учись, учи, лечи!
Идут на смену — Тулой
взращенные врачи!
И опыт, и признание —
приходят к ним уже!
Они найдут призванье
на нашем этаже!
Быть с молодостью рядом —
быть молодой всегда!

А, значит, есть награда
за каторжность труда!
Еще лет двести – смело
трудиться пореши!
Пусть вечным будет тело
без вскрытия души!
Звучат слова по теме
декабрьским ясным днем –
«Всегда прекрасно время,
в котором мы живем!»

2002

ЗА ТЕБЯ!

Ночной кабак – «Анастасия»
встречает вечер в неглиже,
где Тула, область, и Россия
готовы тостовать уже.

Когда подводится итог
тому, что сделано на свете,
обычно нависает смог
над всем, что было на планете.

И, если ветер бытия
его, случается, развеет, –
себя увидишь: вот он – я,
который многое умеет!

Вертя себя вокруг столба
стриптиза разных пожеланий,
ты понимаешь, что судьба –
суть воплощение страданий!

Но дело делаешь всегда –
надежно, зримо, ощутимо.
И, если у друзей беда,
по жизни не проходишь мимо!

Бывает трудно превозмочь
боль от безжалостной судьбины.
Но от друзей – светлеет ночь
и в завтра пишутся картины!

Не зря сидим в «Анастасии»
в кругу ликующих друзей.
Ждем, как всегда, анестезии
от бед! И пьем – за юбилей!

Пьем за стабильную удачу!
За стойкость к дамам дорогим!
За толстый кошелек в придачу
к другим достоинствам твоим!

2002

СЕРГЕЮ А.

Есть «за бугром» секретное оружие:
в снаряды попадают на лету.
А ты опять сегодня не поужинал
и мчишься сквозь метель и пустоту.

Так и живет родная инкассация,
в бессоньи пробираясь через ночь...
Она в мечтах к любимым прикасается,
но лишь удача сможет ей помочь.

То тренировки с тяжкими «железками»,
то схватки, то прицельная стрельба...
Движенья и в покое стали резкими,
забыт и хмель, и русская гульба.

Пройдет зима и расцветет акация,
а где-то вверх взойдется виноград...
Но будет вновь трудиться инкассация –
без сна, без сожаленья, без наград...

2002

ДЕСЯТИЛЕТИЮ НАВСТРЕЧУ!

Подмосковный университет,
в Пушкино, над ветреной Окой,
возраст твой – всего-то десять лет,
но зато авторитет какой!

Трудности? Они, конечно, есть,
и, бесспорно, будут впереди!
Только дел сияющих – не счесть,
как наград на брежневской груди.

Есть академический кураж –
истинной науки аромат!
Вами в этот пионерский стаж
был внесен неоценимый вклад!

Быстро подрастает молодежь.
Дай-то Бог, придет на смену нам!
Им дорогу в новый век даешь,
университет-универсам!

Снова ветром дунуло с Оки,
обещая будущность побед.
Вечным бесконечием реки
пусть продлится университет!

2002

АЗАРЬИЧУ

Алексей Азарьич Коротанов!
Возраст твой – всего лишь пятьдесят!
Почему же люди непрестанно
тосты в эту дату говорят?

Проскользнув меж Сциллой и Харибдой
слов и дел – тропил тропу вперед!
И, не перепутав правду с кривдой,
ты внедрился в бедный наш народ.

Покорил ливийскую пустыню!
Обучил Зареченский район!
Жар образовательный – не стынет!
Значит, сохранилась связь времен!

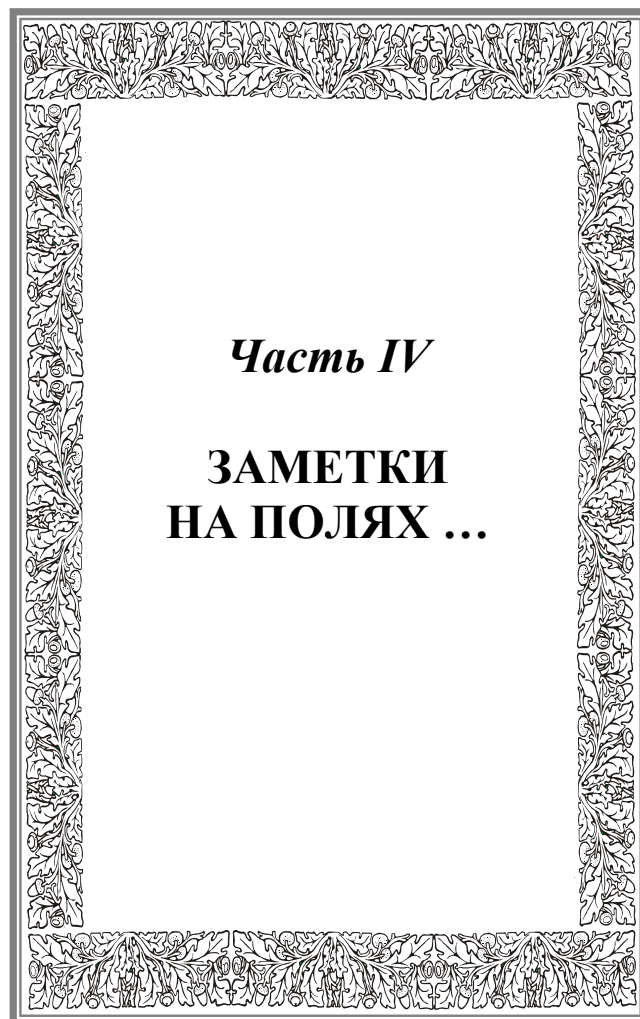
Скоро в Туле тоже жарко станет,
как в пустыне будем ждать дождей,
если наш Азарьич (Коротанов)
справит свой почтенный юбилей!

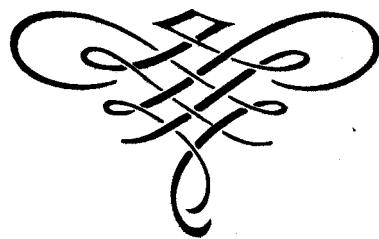
Водка все деяния иссушит,
только если будем мало пить,
а друзей – в сердцах не будем слушать.
Вот за них и надобно налить!

Без дружины – одиноко в поле,
даже если силы вражьей нет.
И не только в поле! И в застолье
очень важен дружеский совет!

Прирастай друзьями ежечасно!
Чувствуй мощь могучих братских плеч!
С ними жизнь, поверь мне, не напрасна!
В ней задел для новых, лучших встреч!

2002

* * *

Кинотеатр «Олбани» и там же клуб «Премьер»,
где Лев Толстой идет к «Ликероводке».
При встрече так и хочется сказать Толстому: «Сэр!
а не пора ли нам принять по стопке?»

Лежит Багдад раздолбанный крылатостью ракет,
в руинах жизни мародеры бродят...
А в Туле светит «Олбани», других названий нет!
«Америкэн картошка» нынче в моде.

2003

НА ПОСОЛЬСКОЙ

Где обалденная фасоль
с люля и хачапури рядом?
Где тостов хитроумных соль
соседствует с веселым взглядом?
Где – мы пьянимся и вином,
и хмелем дружбы «хлебосольской»?
Где страсть любви в бокалы льем?
Конечно, только – «На Посольской»!
Кавказских специй динамит
Заставит плакать оба глаза!
За то – везде и все стоит,
пока гуляем у Муртаза!
А он – грузино-осетин –
над будущим колдует смело.
Он сам – и джинн и господин,
умело делающий дело!

2002

СЕНЕЧКА И КОШКА

Лезет кошка на окошко,
занавеску теребя.
А в окошке видит кошка,
словно в зеркале, – себя.

Ходит кошка по дорожке,
ищет мышку на обед.
А во сне приснится кошке
молочко и «Китти-кэт».

Кошка Мушка шепчет в ушко
про «лямур» – мур-мур-мура.
Мы ее погладим брюшко,
чтоб уснула до утра.

Сенечка поспит немножко,
ляжет с кошкой на кровать.
А когда проснется крошка,
будет с кошкой он играть.

2003

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ЭКЗАМЕН

Экзамен междисциплинарный –
не просто в практику внедрен!
Старинный опыт кулинарный
напоминает чем-то он.

Изготовлением салатов
гордится повар как никак,
да белизной своих халатов,
да тем, как смотрится колпак!

Теперь врачебным винегретом
мы угощаем молодежь.
Всезнайским правильным ответом
сам принцип – вроде бы хорош!

Пройдя огонь и воду тестов,
в умениях тоже эрудит –
студент подходит!.. Будто тесто
в квашне экзаменов бродит.

Сидят премудрые студенты
напротив трех профессоров
Они прочли шпаргалок ленты
и каждый выступить готов.

Все проклинаят министерство,
несносны лето и жара...
Доценты – просто мини-стервы,
и макси-стервь – профессора.

Но жизнь студента и экзамен –
есть двуединства образец.
А сам процесс лишь тем и славен,
что скорый видится конец.

2002

* * *

Вступив в эпоху исхуданья,
все мысли — только о еде!
О ней — стихи, о ней — мечтанья —
и на Совете, и — везде.

Вкус устриц и французской спаржи
ласкает рот и пищевод.
Пока мой друг рисует шаржи,
слюна стекает на живот.

Блеск лысины, очки, борода —
мои! До гробовой доски!
Рисуй! Но мне — накапай водки,
чтобы не сгинуть от тоски!

2002

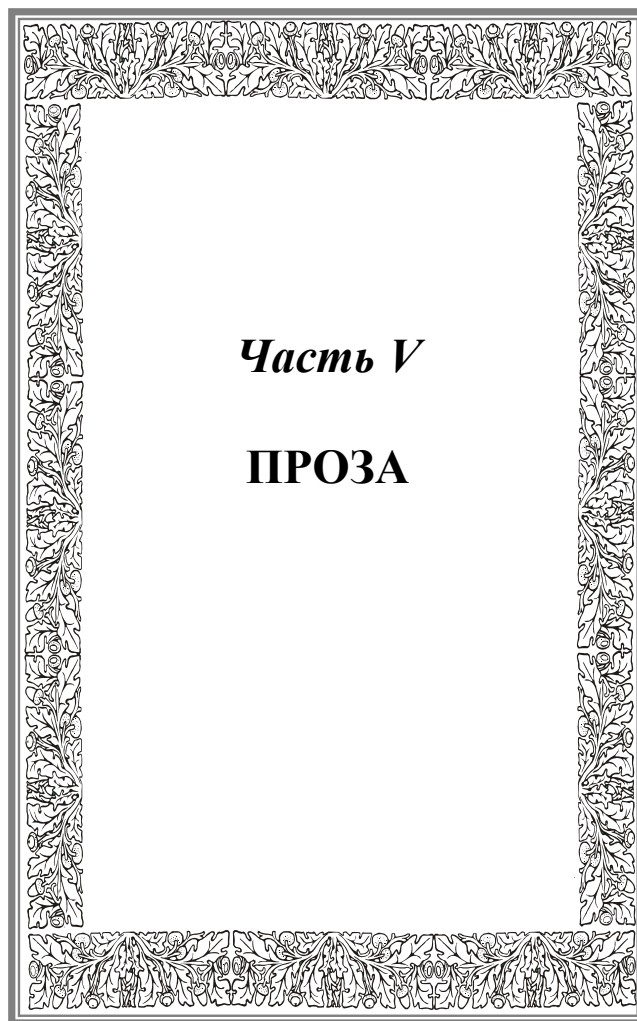
* * *

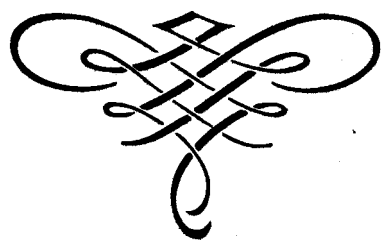
С Новым годом! С новым счастьем!
Говорят под Новый год.
И обычно, и привычно, и бездумно...
С не подделанным участием
ждут неясности приход —
ярко-елочно, шампанисто и шумно.

Через святки в две недели
будет «старый Новый год»:
постаревший, и со счастьем тоже старым.
Будто ясность из-под ели
в наши души так и прет
под дрожанье струн стареющей гитары.

2003

ШАЛДОН (рассказ)

«Он шел по улице, подсвеченной желтым, мигающим светом уличных фонарей. За витринным стеклом в помещении то ли магазина (но без товаров и продавщиц), то ли спортзала (но без каких-либо спортивных снарядов) стояла женщина. Без возраста. Без особых примет, кроме улыбающихся распахнутых глаз. В светлом платье, также без определенного цвета, с вырезом на спине. В ногах у нее лежал мяч, обычный, но тоже без примет: ни футбольный, ни волейбольный, – просто мяч. Невидимым движением ноги женщина послала его прямо в стекло витрины. На стекле от удара зазвездились и закружились искрящиеся трещины. Через мгновение он увидел женщину, уже перешагнувшую через порог. Казалось, что они знакомы давным-давно и уже многое знают друг о друге. Но была какая-то: то ли неясность в ее глазах, то ли недоговоренность мысли, то ли предвидение будущего...Он предложил ей пройти за угол, где находился известный ресторан, расположенный в подвальном помещении, но носивший все признаки классности и по кухне и по обстановке. Однако она не согласилась, а предложила идти через

заросший спутанными, оголенными ветками кустарника двор, по которому вела еле видная тропа. Была ни зима, ни лето. Но деревья стояли без листвы. Начинаял накрапывать дождь.

– «Там подальше есть пансионат, где можно вкусно покушать в кафе, при свечах...»
– прошептала она.

– «Хорошо...» подумал он.

Сразу за поворотом в низине открылась картина небольшого, из 5–6 домиков пансионата, за которым были видны очертания деревенских домов.

– «Откуда здесь село?» – промелькнуло в голове.

Но ноги быстро и легко уже набирали скорость под уклон. Женица все время была чуть впереди. У скособоченного домика на скамейке сидели две старушки, пронзительными и все понимающими взглядами оценивающие невесть откуда взявшихся путешественников. На них поблескивали истертые черного цвета (под бархат) как бы полушубки, или куртки, модные в свое время в деревнях. Одна из них, лузгая беспрерывно (по запаху, видимо пережаренные) душистые семечки, сказала: «Идите вниз под горку, там правда воды много, но эдак будет покороче. Вон там подале ваше кафе и будите!».

И тут же в темноте пропал и дом, и бабки, только чернота ночи густо за клубилась в том самом месте. Женщина неожиданно молча бросилась в откуда-то появившийся наполненный водой канал и быстро пошла вперед, как бы пробираясь через вращающее тяжелую, темную воду течение. Вода была ей по пояс. Платье быстро пропитывалось водой, намокая также и от сильного дождя, появившегося из ночи. Вдруг правее канала появилась тропинка с лежащей на ней скользкой доской. Появилась возможность пройти, не замочив ног, прямо к цели. Он быстро догнал женщину, которая остановилась, смущенно и доверчиво глядя прямо в глаза. «Мне надо переодеться. Я сейчас...» И она нагнулась, чтоб взяться за подол длинного, ставшего тяжелым от воды платья. Верхняя граница декольте отпала вниз, и перед глазами в полном объеме предстали красивые полные груди с заманчивыми бугорками сосков. Одним движением прошуршало сброшенное платье. Но он видел только обеспокоенные женские глаза.

– Знаешь, я не успела сбегать в туалет. Можно, я на минуту отойду?

– Конечно, иди...

Она отошла в тень (почему темной ночью тень?) какого-то домика, похожего на баню. На ней уже было белое сухое платье (откуда?).

Вдруг справа показались два деревенских парня, толкающих перед собой тележку с каким-то грузом и двигавшихся по направлению к женщине. Он решил громко предупредить ее, открыл рот, но звуки, как бы остывшие из-за непогоды, не были слышны даже ему самому...»

Именно в этот момент Руслан проснулся, сожалея об отсутствии продолжения такого необычного сна, внутренним чувством надеясь, что, закрыв глаза, удастся досмотреть что-нибудь из только что увиденного. Но, увы! Надо было вставать. Впереди – полный студенческих забот день. Вся жизнь еще только начиналась.

Лето тысяча девятьсот шестидесятого года было обычным для Северного Кавказа. Вечером и ночью в душно-пыльной атмосфере с разрывающим воздух треском громыхал гром вперемежку со вспышками бело-фиолетовых молний. Затем обильные дождевые потоки дочиста смывали с асфальта всю накопившуюся за день грязь. Утром город оказывался блестяще вымытым, воздух – становился прозрачно-чистым и свежим, а лужицы после очистительного дождя – отражали солнечные улыбки и яркую зелень деревьев.

Городской бульвар вдруг и сразу заполнялся людьми: гуляющими, спешащими на работу, просто проводящими время в свое удо-

вольствие. Бодрые старушки в черных платках и чернобровые женщины в ярких косынках осторожно несли положенные на блюда и завязанные в марлевые узлы только что испеченные, хорошо промасленные, солнечные круги осетинских пирогов с сыром, на которых уютно возлежали жирные желтые отварные куры. Видимо на соседней улице предвиделось какое-то торжество. Обязательные три пирога и курица, укутанные в марлю, да еще и графин с аракой (кукурузной водкой, пахнувшей прожаренной соломой и дымом костра), – со всех сторон стекались в празднующий дом вместе со своими дарителями, чтобы занять достойное место на гостеприимном столе.

Мужчины (постарше – в каракулевых папах, помладше – в огромных размеров фуражках – «аэродромах»), степенно переговариваясь между собой, передвигались в том же направлении, но отдельно от женщин.

Студенты, то ли прогуливающие лекции, то ли просто проводящие время перед занятиями, громко хохотали, кучковались группами по несколько человек, создавая летучие очереди то перед киоском с газировкой, то перед лотком с пирожками. Вода была: за копеечку – без сиропа, а за четыре копейки – с бледно-вишневым сиропом, сладость и запах которого лишь отдаленно напоминали о его названии. Но сама по

себе вода – была воистину настоящим напитком! Даже без газирования ее ломящий зубы холод подчеркивал особый, не сравнимый ни с чем вкус. Да, именно, вкус! Не чета теперешней сверх очищенной, патентованной, дистиллированной, хорошо «бутилированной» жидкости! Разница – как между живой и мертвой водой из сказок! Может, водозабор осуществлялся в естественных источниках из-под ледников, может, город был менее громоздким и ненасытным? Только лет через двадцать такого вкуса у воды уже не ощущалось. Чтобы почувствовать его, надо было подниматься высоко в горы.

А темно- и светло-коричневые, золотистые от масла, хрустящие на местах закрутки, только что пожаренные пирожки – длинные, подобно похудевшим веретенам! Они стоили по пять копеек, их почему-то называли «пирожки с котятами», но начинка была нежной, из субпродуктов, от них исходил запах печени с луком и специями, на языке таял хорошо прокрученный фарш. Тесто – простое, но ароматное. Пирожки вручались покупателям в кусочках белой промаслившейся бумаги, которая служила также салфеткой. Для студентов, получавших от 20 до 40 рублей (при повышенной стипендии!) – это было и доступно, и вкусно, и необходимо.

На многочисленных скамейках под тенью гигантских тополей сидели пенсионеры, бесе-

довали о мировых проблемах, читали свежие газеты, играли в нарды, шахматы, шашки. Вокруг них – галдящие болельщики разных возрастов, снующие от скамейки к скамейке. Вдруг появлялся кто-нибудь с осетинской гармошкой. Спонтанно начинались национальные танцы, пелись протяжные горские песни. По проспекту прогуливались (также небольшими группами) люди, объединенные либо общими делами, либо просто дружбой – с желанием поделиться какими то новостями на фоне умытого города, ласкового солнца и старинных одно-двухэтажных домов, в ту пору еще не завешанных аляповатой и надоедливой рекламой.

К середине дня солнце начинало усиленно испарять воду, наступала жара, воздух высыхал, гуляющие и отдыхающие постепенно покидали проспект и тенистый бульвар, громыхающие и клацающие на стыках рельс трамваи поглощали молодежь, ищущую новых развлечений на водной станции. Трамваи были в основном такими же, как и сейчас. Но по некоторым маршрутам еще ходили старые вагоны с открывающимися вручную дверьми, знакомыми по картинам с участием Чарли Чаплина и Игоря Ильинского.

С подножки такого вагона на повороте около кинотеатра «Дружба» и спрыгнул Руслан. Он был худощав, но крепок, потому что

занимался всеми доступными видами спорта, как это делали все ребята в те годы, в том числе и популярной среди всех кавказских народов вольной борьбой. Поэтому шея его была мощной, уши слегка примяты и напоминали собой пельмени. На нем была черная, сшитая младшей сестрой по его собственному заказу, рубашка с кокеткой. Только что привезенные из Польши и купленные в давке на рынке джинсы также черного цвета с желтой строчкой и черные узконосые ботинки завершали его одеяние. Правда, к джинсовой ткани простое полотно не имело никакого отношения, поскольку уже в те времена польские предприниматели делали на этом ширпотребе хороший бизнес.

Такой подбор одежды не был случайным. Только что с ошеломляющим успехом по стране прокатился один из первых американских вестернов – «Великолепная семерка». Юл Бриннер в роли Криса стал кумиром молодежи, впервые ощутившей аромат дикого Запада: лошадиных седел, дымящихся гильз от «Кольтов» и бесшабашной храбрости «семерки». Правда, потом дошла информация о том, что это только перепев истории семи самураев, которую уже реализовал в кино Акиро Куросава. Но для молодежи из провинции, только что вошедшей в пору известной хрущевской «оттепели», это было совсем неважно. Правда, большинство из

тогдашних поклонников Криса отсеклось бы от него, узнав, что Юл Бриннер однозначно принадлежал к сексуальным меньшинствам. На Кавказе таких героев быть не могло! Но еще не было гласности и всеобщей распушенности, люди еще верили в идеалы, а цветное широко-экранное кино так отличалось от привычного быта!

Но, впрочем, Руслан об этом и не думал. Он «ковбойской», как ему казалось, походкой вразвалочку направился к стоявшей у витрины девушке в обтягивающем светло- сиреновом платье, с черными кудряшками.

– Привет, Светка! Держи цветы!

– Спасибо! Я уже ждалась. Где ты был до сих пор?

– Знаешь, тренировка поздно кончилась. Готовимся на сборы. Скоро соревнования.

Света не знала, что тренировка давным-давно закончилась, а причиной задержки Руслана было элементарное отсутствие денег, на которые можно было бы повести подружку в кино, угостить мороженым, или купить цветов. Небольшой букет фиалок, врученный Свете, был собран Русланом на клумбе в парке, мимо которого он проходил полчаса назад. Подарок был в полном соответствии с популярной в те годы песней: «Купите фиалки! Вот букетик лиловый!». Уже почернело небо, из темноты ко-

торого наваливалась вечерняя духота... Городская духовка источала запах жарившегося где-то мяса, смешивающийся с висящим в воздухе ароматом настоящих ночных фиалок. Зеленые искры, как при электросварке, из-под трамвайной дуги – предвещали ночную грозу.

– Ну, что будем делать? Мне скоро надо быть дома... в кино опоздали...

– Ладно, Свет, давай сходим в кино завтра! (В голове Руслана тут же промелькнула мысль о том, что к завтрашнему дню денег все равно не будет, за то будет время что-нибудь придумать в свое оправдание).

– Тогда проводи меня домой. Уже темно. А на Шалдоне не очень спокойно!

– Хорошо, пошли!

Руслан все никак не мог решиться сказать Свете правду. Ее старшая сестра была связана с какими-то уголовными типами, которые почему-то в основном обитали на Шалдоне. Этот район города был известен тем, что стал зоной повышенной опасности после амнистии, когда не только вороватая и хулиганствующая шпана, но и более крупные представители уголовного мира оказались на свободе. В то время они избегали новостроек, светлых площадей и проспектов. Их любимым местом были домишки с проходными дворами, множеством темных закоулков и сарайчиков, где было удобно прятать

и прятаться. Это потом так называемая «пена» всплыла над трудящимся обществом, залепила собой самые современные кварталы самых дорогих городов мира, да и сейчас там находится.

Они пошли, взявшись за руки, болтая о пустяках. Через квартал на противоположной стороне улицы вдруг с резким хлопком распахнулась калитка, ведущая к маленькому, покосившемуся, кривоватому дому. Из нее выскочил мужчина в черной кожаной куртке и побежал в сторону трамвайной линии. За ним вывалились три непонятного в темноте возраста личности, орущие что-то по-грузински, но с русским матерным сопровождением. Один из них взмахнул рукой с блеснувшим ножом. Убегавший схватился за раненую руку, но успел тычком ноги свалить нападавшего. Тут подоспели двое других, раздались глухие удары двух пар рук и ног. Мужчина упал, однако, перевернувшись несколько раз вокруг оси, вновь вскочил на ноги, держась за повисшую руку. Уже все три преследователя, мешая друг другу, бросились на него и сбили с ног. Вновь мелькнул узкий клинок. Удар пришелся мимо, и мужчине удалось вскочить на ноги. Он увидел нас, оценил обстановку безысходности и громко крикнул: «Помоги, друг!»

В драки по не писанному дворовому кодексу не было принято вмешиваться. «Двое де-

ругся, третий не лезет!» Это Руслан знал с детских лет, когда в школе не единожды приходилось выяснять отношения с однокашниками. Но, во-первых, сейчас он был не один, во-вторых, его попросили о помощи, в третьих, наблюдаемая им драка более всего походила на одностороннее избиение с вероятным кровавым исходом. Крикнув подружке: «Иди быстро домой!», он в три прыжка преодолел расстояние до водоворота драки, ударом по шее заставил рухнуть одного из нападавших, другого (с ножом) схватил за кисть, резко, до хруста и дикого рева, вывернув ему руку. Нож упал в темноту, а его владелец резкой подсечкой был отправлен наземь. Третий нападавший, не ожидавший такого сокрушительно быстрого исхода, метнулся назад к калитке и, чего-то громко крича, нырнул в нее.

Перед Русланом у забора стоял запыхавшийся, молодой (лет тридцати), плохо выбритый, со стандартными по тем временам усиками, мужчина, придерживавший раненую руку. По рукаву текла кровь, в темноте казавшаяся черной с темно-вишневым отливом.

– Спасибо за помощь! Но они сейчас вернуться. Там еще человек восемь. Помогите мне добраться до трамвая! Мамой клянусь, не забуду!

– Давай руку перевяжу!

– Не успеешь! Лучше давай делать ноги, пока не поздно! Прикрой меня!

Незнакомец бросился бежать к трамвайной линии, Руслан держался сзади на полтора шага. От калитки уже нарастал топот множества догоняющих ног, крик, мат, слышался металлический звяк. «Цепи, или что?» подумал Руслан, подхватывая спотыкающегося незнакомца под здоровую руку, и таща его за собой. Еще два шага... один... Левой рукой Руслан ухватился за поручень, правой обхватил спутника и рывком забросил его на ступеньку задней двери второго вагона. В этом месте скорость трамвая была минимальной, а дальше он быстро покатился под гору, как бы нарочно легко и непринужденно отрываясь от разъяренных преследователей. Визг колес по рельсам заглушил их удаляющиеся в никуда вопли.

Отдышавшись, незнакомец представился:

– Джамбот.

– Руслан.

Помолчав немного, Джамбот сказал:

– Сейчас трамвай притормозит на повороте. Спрыгнем. А то на остановке могут догнать, если поймают машину.

Так и сделали. Спрыгнув на ходу без особых усилий, Руслан, продолжая бежать, подхватил начинающего бледнеть Джамбота, все-таки не удержавшегося на ногах. Они бегом

рванулись через улицу к закрытому двору старого четырехэтажного здания, сообщающегося с соседними дворами. В беседке Руслан осмотрел рану, насколько позволял тусклый фонарь. Кровь медленно подтекала из глубокого разреза плеча, стекая крупными каплями в темень ночи с покореженного лезвием рукава кожанки. Нecessности в использовании жгута не было. Чтобы наложить давящую повязку, Руслан решил воспользоваться носовым платком и рукавом рубашки Джамбота. Но тот внезапно привстал, потянул Руслана здоровой рукой за собой, пригнулся, а затем упал на колени за густой куст сирени. В арке показались мечущиеся фигуры, пытающиеся угадать вероятное направление их побега. Фигур было две. Видимо, остальные контролировали другие возможные пути преследования. Спустя некоторое время, подняв голову, Руслан уже не увидел никого. Только темнота, запах каких-то цветов, качающиеся уличные фонари и черная дыра подворотни. Начали набирать силу порывы теплого ветра. Зашуршали листья кустов. Помолчав еще несколько минут, Джамбот тихо сказал: «Ну, вроде бы – отбой! В этом доме у меня живет родственница. Не беспокойся, она медсестра, перевяжет в лучшем виде... Может зайдем?» Руслан отказался. Непредвиденное приключение требовало свободного времени для ос-

мысления. Ведь все, что делается инстинктивно, по обстоятельствам, часто бывает не совсем понятным при спокойном анализе. «Кто этот незнакомый человек, приглашающий в гости к другому незнакомому человеку? Я вроде бы сделал все правильно, по-мужски, но стоит ли продолжать случайное знакомство?» – подумал Руслан. А вслух сказал:

– Спасибо, Джамбот! Мне уже пора ехать домой. До встречи!

– Ну, как знаешь. Я тебе не просто говорю – спасибо! Запомни, мало ли что где с тобой случится, скажи только, что ты друг Джамбота – все будет нормалек!

Руслан тут же про себя подумал, что это обычный кавказский треп, когда желаемое выдается за действительное, особенно в критических ситуациях.

– Хорошо! Давай иди к родственнице, а то кровь еще капает!

– Пока!

– Бывай!

Джамбот вошел в подъезд дома. Входная дверь противно завизжала, впуская его. Через некоторое время в одном из окон на втором этаже зажегся свет. Руслан быстрым шагом, забыв о ковбойской походке, прошел через двор, и, поглядывая внимательно по сторонам, вернулся к кинотеатру, сел в полупустой вагон

трамвая идущего в противоположную сторону и, в ожидании своей остановки, задумался и крепко уснул, подсознательно анализируя все, что случилось с ним за последнее время.

«Была еще одна причина, по которой прервавшийся поход на Шалдон желательно было не возобновлять. У него уже была другая подружка, с которой он познакомился недавно на водной станции, когда демонстрировал перед друзьями усвоенные в школе элементы акробатики. После того, как Руслан сделал после разбега рандат, фляк и сальто назад в группировке, он оказался около скамейки. Повернувшись к ней, вышел в стойку на кистях и в этот момент увидел любопытные и усмехающиеся глаза молодой женщины, сидевшей на соседней скамье в пестром ситцевом купальнике, по своим габаритам близким к бикини. Она была года на три постарше Руслана, с серо-зелеными глазами, небольшой, но вполне округлой грудью, стиснутой лифчиком, но нескромно рвущейся наружу. Рядом сидел мальчуган лет четырех в панамке, с неизменным для детей совочком и ковырялся в рассыпанном вдоль дорожки песке, предназначенном для строительства питьевого фонтанчика. Старый фонтанчик был обезвоженный и ржавый. Он, похилившись, стоял у края берега, как бы пытаясь попасть в воду и омыть свои коричнево-

желтые бока. Руслан мгновенно решил сделать стойку на одной руке, но, покачнувшись, потерял равновесие, и едва не опрокинув скамейку, прыгнул на землю, больно ударившись пяткой о подвернувшийся под нее камень-голыш. Тем не менее, внешне, видимо, все выглядело пристойно. Друзья начали тоже вытворять что-то уметь, стараясь выглядеть не хуже Руслана.

А он, присев на скамейку рядом с обратившей на себя его внимание женщиной, мучительно искал повод познакомиться. Долго ждать не пришлось. Она сама, повернувшись всем телом, сверкнув на солнце алмазами водных капель, еще не высохших и только украшающих чуть тронутую загаром кожу, спросила:

– Вам не больно?

– Ни капельки! А почему вы решили, что мне должно быть больно?

– Просто я видела, как ваша нога подвернулась на камне...

– Ну, вообще-то все так и было. Давайте познакомимся, а то как-то неудобно разговаривать, не зная имен...

– Давайте! Я – Нелли...

– Я – Руслан...

– А в песке ковыряется мой племянник – Андрюха.

– Привет, Андрюха! Дай дяде ручку!

– Пливет! Я лучку не дам, потому фто она в песке и глянзая...

А сам хитровато посмотрел на тетку, будто спрашивая: «А этому-то, с мятыми ушами, чего от нас нужно?»

– Ну, ладно, потом пойдем купаться, тогда дашь дяде руку...

– Тогда тове не дам, она будет моклая...

– Ну, не хочешь, как хочешь. Что это он у вас такой упрямый?

– Наверное, в меня. Я у него вместо матери. Она артистка, часто уезжает на гастроли. А отец его – спортсмен, боксер, тоже дома не сидит.

И назвала фамилию известного в то время чемпиона. Руслан не раз встречался с ним в кругу спортсменов, но близко не был знаком. Тот действительно редко бывал в городе, пропадая на союзных и российских сборах, выступая за границы – в ГДР, Болгарии, Польше. Жена гастролировала по стране с труппой, а сын воспитывался, оказывается, этой симпатичной женщиной. Интересно, чем же она занимается? Но спросить прямо постеснялся, отложив свое любопытство на потом.

В этот момент к берегу приткнулась прогулочная лодка, в которой сидели три девчонки, видимо, готовящиеся к поступлению в институт, или к очередной сессии. На сиденьях

лежали развернутые книжки, шелестели тетрадные листки, пара коржиков и бутылка лимонада подтверждали предположение о студенческой принадлежности девчат. Одна из них сразу выпрыгнула на берег, подтащила лодку поближе и стала поддерживать ойкающих и айкающих подружек, вылезающих из лодки. Девочка была необычной для тех мест внешности: рыжеволосая, со светлыми, выгоревшими кудряшками на лбу, туго заплетенными косичками, свернутыми в корзиночку, с широко открытым в улыбке ртом, сияющим блестящей белизной зубов, со сверкающими шоколадками хитро смеющихся глаз. Она увидела Руслана, и щеки ее почему-то полыхнули сквозь смуглость кожи румянцем восходящего солнца. Заметив рядом с ним собеседницу с ребенком, резко повернулась к подружкам, и взор ее стал дерзко-недовольным, улыбка лишь на пару секунд испарилась, но затем появилась вновь, казалось, освещая вместо скрывшегося в облаках солнца всю водную станцию. «Девчонки! Айда за мороженым!» – прозвенел в утомленности полдня ее голос. Девчата, роняя на бегу тетрадки, подбирая их, тут же перепихивая друг другу, подпрыгивая, как горные козочки, вприпрыжку помчались к киоску, где продавалась соблазнительная замороженная сладость в виде шариков, получавшихся при

доставании из общей массы мороженого специальной ложкой, согретой в кипящей воде.

Руслан не мог скрыть своей заинтересованности этой стайкой молодых девчат. Глаза разбегались, силы молодым вином маджари гуляли по сосудам, пронизывающим мощное, напряженное тело. Нелли усмехнулась: «Что? Хороши девчонки?» Руслан дипломатично ответил: «Все женщины прекрасны в любом возрасте, в любое время и в любом месте!»

– «Ты начал говорить тостами» – вдруг перешла на «ты» Нелли.

– «Это по наследству! Мой дед умел во время тоста пить и есть одновременно, и даже в столетнем возрасте без него не обходилось ни одно застолье.»

Свойственное всем желание прихвастнуть, особенно перед объектом внимания, было близко к истине. Деду Руслана было «все» девяносто два года, он был женат в четвертый раз. На последней женщине женился в возрасте восьмидесяти четырех лет, когда ей было сорок два года, заимел от нее сына и умудрялся еще погуливать в соседних селениях. Жена приходила к отцу Руслана и жаловалась на мужа, но отец всегда отвечал, что старшего учить бесполезно и предлагал ей относиться к ситуации с терпением. Дед вообще отличал-

ся могучим природным здоровьем. Был широк в кости, грузен, лыс, медлителен в движениях и размышлениях. Каждую зиму он ходил в горы для пополнения запасов медвежьего жира, которым уже несколько лет для профилактики смазывал суставы. «Что-то колени..., кажется (!)..., ныть стали...» – говорил он врасстяжку. И мог на следующий день отправиться на охоту, одев на себя несколько телогреек, промазанных смолой. На встречу с медведем шел всегда один на один, вооруженный рогатиной и длинным кавказским кинжалом. Рогатиной поднимал из берлоги зверя, встававшего на задние лапы, упирался сдерживающей рогатиной ему в шею, и ударом кинжала в сердце заваливал косолапого. Так как приходилось подходить к медведю вплотную, тот успевал несколько раз мощными ударами когтистых лап распустить одну – две телогрейки, зачастую добираясь до тела даже сквозь вязкость слоев смолы. На коже спины деда с обоих боков бугрились полосы плотных бело-коричневых рубцов, напоминавших о медвежьих объятиях.

Руслан тогда еще не знал, что через год деда не станет. Накосив на склоне горы целую арбу травы для кроликов и баранов, всегда державшихся в хозяйстве, он залезет на воз, который медлительная лошаденка потащит по горной дороге. Внезапно вынырнувшая из-за

поворота машина собьет арбу вместе с хозяином в пропасть, оставляя за собой клочья свежескошенной травы, да обломки горного транспорта.

С гор потянуло прохладой, на коже появились пупырышки «гусиной кожи», все засобирались домой. Руслан помог Нелли сложить вещи, посидел с Андрюхой, пока та сбегала в кабинку раздевалки переодеться. Вернулась в узеньких легкого материала брючках, бежевой кофточке с глубоким вырезом на груди. Так как плавки уже высохли, Руслан натянул на себя светлые полотняные брюки, цветастую рубашку, за которые в школе малышня дразнила его стилигой. Брюки были вьетнамского происхождения, не такие уж и узкие, но непривычные для окружающих, привыкших к широким, заправленным в сапоги творениям отечественного ширпотреба.

Ехать пришлось с пересадкой на другой конец города, где Нелли жила в кирпичном одноэтажном домике довоенной, а может и до-революционной постройки, на тихой улице с такими же патриархальными домами, какие можно увидеть лишь в городках с давнишними традициями, не пострадавших от бомбежек и других человеческих экспериментов над самими собой. Проводив ее с племянником до дома и договорившись о встрече, Руслан поехал на

проспект, неподалеку от которого жила его тетка.

Заходил он к ней редко, так как та была вся в заботах о четырех своих дочках, одна из которых уже была замужем, вторая только собиралась туда. Ее муж, бывший партийный и государственный деятель масштаба маленькой автономной республики, размером меньшим, чем любая область, был своеобразным человеком. Характер его был соткан из апломба «бывшего», любви к своим дочкам, непризнания прав своей жены, постоянно трудившейся на узкой кухоньке в шесть квадратных метров, готовя еду, обстирывая семью и встречая гостей. Тетка была грузна, у нее болели и отекали ноги, но она сохраняла неистребимую кавказскую красоту: черные с сединой волосы, огромные черные светящиеся глаза, улыбку и застенчивость. Когда-то в тридцатые годы дядька украл ее, потому что был беден и не мог сыграть свадьбу, являвшуюся визитной карточкой состоятельности мужчины. Зачастую такое «воровство» было вынужденным и встречало понимание среди родных невесты. Так было и в ее случае. Но вот из-за снобизма, исходившего от дяди, Руслану не очень хотелось бывать в этом доме, хотя сама тетка была им очень любима. В этот раз он решил хоть на минуту забежать к ней. Услы-

шав, как на звонок откликнулся командным голосом дядька, подумал: «Эх, зря выбрал такое время для визита!» Но делать было нечего, пришлось зайти, вежливо поздороваться, обнять тетку и пройти в комнату. В те поры даже первые лица республики не позволяли себе строить замки-особняки и довольствовались малым. Бывший секретарь Президиума Верховного Совета республики жил на втором этаже ветхого предреволюционной постройки дома. В туалет (единственный на весь дом из нескольких квартир) надо было спускаться во двор по широкой деревянной лестнице. Три маленьких (метров по восемь или десять) комнаток вмещали шестерых членов семьи. Вот и все привилегии! А прошло всего семь лет после ухода дядьки из чиновников областного масштаба в районное руководство. Через много лет Руслан собственными глазами увидит еродворцы чиновников всех мастей, жуликов разного пошиба, но приближенных к власти (воровской ли, государственной ли – все равно, эти понятия в умах обычных граждан сольются в единое целое).

А пока он сидел за столом, накрытым в комнатке выходящей на поскрипывающий балкончик, опирающийся на два столба, вросших в каменистую землю. На нем были полки с полным собранием сочинений Сталина, которые

были вынесены из комнаты после XX съезда КПСС, банки с соленьями и вареньями, и маленький столик. А в комнате, кроме овального стола и старого, с полочками на задней спинке, дивана, помещалось пианино немецкого (или австрийского) производства, да кадка с растущим и плодоносящим лимоном, за которым трепетно ухаживал хозяин, демонстрируя гостям похожие по величине на грейпфруты плоды.

Дядька усадил гостя за стол, потчужа собственноручно изготовленной ароматной настойкой на розовых лепестках, под изумительной вкусноты пироги с сыром, обильно сдобренные сливочным маслом и неизменный салат из помидоров с луком и базиликом, называвшимся в тех местах – васильками. Руслан, не любивший крепкие напитки, только подносил к губам маленькую стопку, проглатывая несколько капель удивительно вкусного напитка, выслушивая нравоучительные, но полезные тосты. Тетка за стол не садилась, только, прихрамывая, заходила из кухни, присаживалась на диван, с любовью глядя на племянника, видя в нем отражение своих старших братьев, называла его братиком, говорила несколько приятных слов, и вновь исчезала в проходной кухне, служившей для семьи также прачечной и ванной. Чувствуя неловкость от

ее отсутствия, он по истечении некоторого времени извинился и, обняв на прощание родных, быстро спустился во двор, повернул направо и через минуту очутился на проспекте.

Пройдя квартал, повернул направо и лицом к лицу столкнулся с Валерием, своим давним другом, с которым расстался в шестилетнем возрасте. Их отцы служили вместе, мать была лучшей подругой тетки, от которой только что вышел Руслан, а сами они только недавно узнали, случайно встретившись, о своем давнем знакомстве. Они стояли около углового входа в подвал, где обычно продавалось (и употреблялось) вино и водка. Решено было спуститься в это заведение, чтобы отметить каким-либо образом встречу. К собственной неожиданности, а может из желания показать себя взрослыми друг перед другом, они заказали по стакану водки и закуску из сельди с постным маслом, хлебом и луком. Было страшиновато, но все-таки стаканы были опустошены. Никакого удовольствия от алкоголя Руслан не испытывал. Да и потом, в течение всей жизни пил больше по необходимости, никогда не имея тяги к выпивке и опохмелке. Но в разговоре от выпитого появились грубоватые выражения, совершенно не свойственные ни тому, ни другому, ощущение легкости в теле и всесилия. Однако, в то время спортив-

ный (также не писанный) кодекс предписывал не применять без крайней необходимости умения, полученные на борцовском ковре в спортзале. Чтобы не искать на свое мягкое место приключений, друзья распрощались, договорились о встрече через неделю и разошлись по домам.»

На повороте заскрежетали трамвайные колеса, и Руслан открыл глаза. Все, что с ним случилось две недели назад, промелькнуло в течение нескольких минут езды на трамвае.

Руслан жил на узенькой улочке, где родители снимали квартиру – одну комнату в двенадцать квадратных метров в разваливающемся домике, с удобствами на улице. В этой комнате жила вся семья из пяти человек. Две кровати стояли у двух стен по периметру, к третьей стене примыкал письменный (он же обеденный) стол, этажерка с книжками, четвертую загораживал платяной шкаф. Середины комнаты почти не было, раскладушки для детей лежали под кроватями, пища готовилась на керосинке, стоявшей тоже в комнате, а летом ее удавалось вынести на веранду (более напоминающую обычный навес) метровой ширины, расположенную вдоль входов в комнаты домовладелицы и квартиросъемщиков. Домочадцы были дома, и, поужинав, Руслан спокойно лег спать в ожидании завтрашнего свидания с Нелли.

На следующий день ближе к вечеру он одел свой ковбойский «прикид», побрился и направился на заранее назначенную встречу.

В старинном парке у прудов, над которыми нависали престарелые ивы, а по ряби вод плавали попеременно лебеди и лодки, неподалеку от висячего моста через Терек, раскинулась танцплощадка, громкой музыкой зазывая отдыхающих. Посещалась она хорошо, в чем-то напоминая упрощенный вариант будущих дискотек. Бывало на ней всякое: и драки, и облавы с целью выявления незаконного ношения оружия, после которых это самое оружие находили выброшенным за ограду, или брошенным внутри самой танцплощадки. Руслан, заранее купивший входные билеты, увидел элегантную фигурку Нелли. Она настороженно оглядывалась по сторонам. Взгляды их перекрестились, они встретились, как и положено давним (давностью в две недели) знакомым, и вошли на площадку в толпу, синхронно раскачивающуюся под звуки танго. Переминаясь с ноги на ногу, некоторое время они топтались в центре площадки, затем приблизились к стоящим по периметру скамейкам. Руслан заметил, что Нелли продолжает тревожно озираться.

– Ты кого-то ищешь?

– Понимаешь, мой сосед ревнует меня, как говорится к первому столбу, и мне показалось,

что от дома он следил за мной. Не хотелось, чтобы вы стали между собой выяснять отношения. Он только что освободился из тюрьмы, мало ли что может случиться...

– Да ладно, тебе просто показалось, что...

Руслан остановился на полуслове. От скамейки на противоположной входу стороне отделились пять немалых габаритов мужиков и, раздвигая плечами толпу, держа руки в карманах, угрожающе глядя в упор, начали движение по направлению к центру площадки. Впереди всех шел крепко сбитый, кучерявый, с фиксой во рту, приоткрытом в нахальной улыбке, парень в просвечивающей через белую рубашку тельняшке.

– «Это он...» – прошептала Нелли.

– Вижу сам. Давай танцуй ближе к выходу, их на одного многовато. Подожди меня минут тридцать на остановке у почтамта. Если меня не будет – уезжай домой!

С этими словами Руслан быстро повернулся, и, помня первый прием самбо при превосходстве противника – бег, рванулся к выходу, не теряя из виду преследователей. Бежалось ему легко. Тренировки не проходили даром. Обернувшись и заметив, что фиксатый парень оторвался от своих корешей, решил, не снижая скорости, подбежать к самому берегу пруда. Почувствовав прямо за спиной дыхание пре-

следователя, Руслан резко остановился, присел и круговым движением ноги подсек ноги фиксатора. Тот по инерции рухнул головой вниз в воду, оказавшись в полутора метрах от берега. Повернув направо, и отслеживая передвижение противников, Руслан рванулся как на стометровку к выходу из парка и дальше, сделав еще один правый поворот, помчался по узкой улице к проспекту, чередуя ускорения с ровным бегом, захватывая теплый воздух легкими, чувствуя каждую мышцу, успевая смотреть по сторонам. Сзади никого не было слышно. Видимо, все силы преследователей были сконцентрированы на вылавливании своего друга из пропавшего тиной пруда. Перейдя на быстрый шаг, через три – четыре минуты Руслан оказался на трамвайной остановке. Нелли удивленным взглядом встретила его, но только спросила:

– Все в порядке?

– Как видишь...

Подошел трамвай, и они, болтая ни о чем, поехали, куда трамвай вывезет. А довез он их до остановки, на которой Руслану пришла в голову мысль исправить испорченный вечер.

– Давай, пойдем в филармонию, там чьи-то гастроли вроде бы интересные...

– Давай! Только я одета не очень...не для концерта...здесь рядом мой дом, забегу переодеться.

– Хорошо, только поскорее, а я пока возьму билеты.

На здании филармонии висели красочные (красными буквами) афиши – «СКРИПИЧНЫЙ КОНЦЕРТ – САРАСАТЕ».

– «Ну и что? Сарасате так Сарасате!» – подумал Руслан. «Главное – денег бы хватило. Неудобно будет, если придется что-нибудь придумывать, чтобы оправдаться перед Нелли...»

К счастью, денег в обрез, но хватило. Народу было много. Среди топчущихся, толкающихся и разговаривающих между собой зрителей промелькнуло лицо той рыжеволосой девчушки с белозубой улыбкой, что когда-то встретила на водной станции. Попадались и давно знакомые лица. Все были принаряжены в ожидании приобщения к искусству. Руслан не очень любил классическую музыку, но всегда внимательно вслушивался в поток звуков, пытаясь представить замысел композитора. И зачастую ругал себя за свою музыкальную безграмотность, связанную то ли с отсутствием врожденного слуха, то ли с неразвитостью его. Но посещение филармонии в то время было

явлением модным, являлось как бы составной частью общего образования.

Появилась элегантно одетая Нелли. Они вместе вошли в зрительный зал и расположились на своих местах где-то в середине зала. Свет начал меркнуть, стихла зрительская возня, слышнее стали отдельные покашливания, шуршание разворачиваемых шоколадных и конфетных оберток. Со сцены пахло специфическим театральным запахом. А затем, казалось, со всех сторон охватила их цыганская, плачущая, надрывная мелодия, уводя в дикие просторы к сполохам костров, звону монист, ржанию необузданных коней, в общем, в непознанную свободу, казавшуюся недоступной, но близкой.

Руслан прикрыл глаза. *«Две старушки, но уже не в черных под бархат полушубках, а в ярко-цветастых шалях, с трубками в расщелинах ртов, с поросшими редкими волосками подбородками...но с такими же пронзительными и проникающими в глубь мыслей глазами, как в недавнем сне, – в клубах кострового дыма внимательно прислушивались к звукам, рвущимся из зовущей и страдающей души волшебной скрипки... На высоте мечущегося и чего-то ищущего аккорда – старушки вновь пропали. Вспыхнуло солнце, чуть-чуть завешанное проливным «слепым дождем»... Впереди идущая*

по пояс в воде (но уже светлой, пузырящейся) женщина – со спины казалась очень знакомой. Ну, конечно, эти рыжие волосы, собранные в корзиночку, которые вдруг рассыпались по плечам, ставшим округлыми, желанными...это легкое движение бедер, преодолевающих потоки воды... этот звонкий смех, не соответствующий скрипичному страданию...» Раздались аплодисменты. Глаза сами собой открылись, и Руслан увидел в глазах Нелли нескрываемый вопрос...

– С тобой все нормально?

– Да! Просто заслушался... Скажи, здорово играют?!

– Да я не очень в этом разбираюсь.

– Я тоже, но сейчас было просто все понятно!

Концерт шел своим чередом. Нелли стала позевывать. Руслану из-за этого никак не удалось сосредоточиться на музыке. Боковым зрением он уловил чей-то быстрый, но проникающий, как у старушек из недавнего сна, взгляд. Мгновенная догадка, кто это мог быть – «Конечно, опять она!» Резко повернув голову, он, однако, не увидел никого из знакомых. «Показалось, наверное»

– «Ты что вертишь головой? Тоже надоело?» – спросила Нелли.

– Ну, вообще-то можно уйти после перерыва, но будет очень заметно. Давай останемся!

– Хорошо, только давай больше на такие мероприятия не будем ходить!

– Ладушки.

После заключительных оваций по окончании концерта они отправились побродить по улицам, пообниматься, подышать воздухом, нахлынувшим с гор, несущим свежесть и бодрость телу и мыслям.

– Ты знаешь, меня этот тип все-таки встретил около дома, когда я пришла переодеваться. Он был еще в мокрой одежде, злой, как черт, грозил прибить тебя, если увидит. Живет он рядом, как бы снова не выследил нас...

– «Не беспокойся! Все будет тип-топ!» – бодро сказал Руслан, но подумал: «Не было печали! Что-то зачастили ситуации одна за другой, как бы не нарваться на худшее! И все это началось с Шалдона, до этого ведь все было более или менее спокойно...»

– Уже поздно, пошли по домам, а то мне не по себе. День какой-то дурацкий! Завтра еще Андрюху отправлять в лагерь, послезавтра сестра приезжает, надо в доме убраться. Она у меня с мамой пока побудет.

– Ладно, пошли!

Дорога оказалась недолгой, время близилось к полночи, улицы были безлюдны. В голо-

ве вертелось: «... в часы такой поры, когда на улице одни поэты и воры...» Проводы не затянулись. В воздухе пульсировала непонятная тревога, хорошее настроение куда-то испарилось. Обостренное чувство неосознанной, но реальной опасности заставляло дышать поглубже, прощаться побыстрее, двигаться порезче.

Старые, с сонными черными глазами окошек, одноэтажные дома с кирпичными заборами и огороженными дворами, тянулись непрерывно вдоль улицы, погруженной в полумрак. Редкие уличные фонари, скрипя от порывов накатывающегося воздуха, высвечивали небольшие проплешины вокруг себя. Старый асфальт был весь в трещинах, о края которых, поросших мелкой травой, в темноте казавшейся черным мхом, можно было легко споткнуться.

– «Эй, керя, притормози маненько!» – раздался надрывный, переходящий на фальцет голос.

От прилипшей к стенке дома на противоположной от Руслана стороне скамейки оторвалась знакомых очертаний фигура фиксатого, который держал руки в карманах, видимо, сжимая в одной из них то ли кастет, то ли финку. Три его кореша быстро перешли на сторону, по которой шел Руслан, преграждая ему путь вперед. Двое зашли со стороны спины, отрезая

обратное движение. Сам фиксатый направлялся напрямиком на Руслана, еще один остался сидеть на скамейке, его лица в черноте ночи не было видно, потому что замкнуло фонарь, тускло моргавший грязно-желтым глазом. «Семеро на одного... Что делать? Через один шаг какая-то металлическая коробка у стены – то ли телефонный распределитель, то ли еще что... Придется стать спиной к нему, принять первый удар, ответить, а затем прорываться вперед, надеясь только на скорость и удачу... Через два дома – низкий заборчик, может удастся перемахнуть через него и затеряться в лабиринте сарайчиков, каких-то построек и кустов... Хотя без знания местности можно попасть в тупик... Они то знают здесь все закоулки» – промелькнуло в мгновение то ли в коре, то ли в подкорке застучавшего сосудами, ищущего выхода мозга.

– Ну, что фраер, снимай котлы, они тебе не понадобятся! Сейчас я тебя, падлу, попишу за паскудство, потом с паханом решать будем, что с тобой будем делать!

Дерганой походкой, выдернув руку с заточкой из кармана, фиксатый приблизился шага на полтора к Руслану, напрягшемуся до боли в мышцах, заметившему, что его уже взяли в кольцо и решившему броситься первым на прорыв. Вдруг со скамейки взметнулась фигура

седьмого участника событий. Он что-то громко крича по грузински, от чего все нападавшие замерли как по стойке «Смирно!», перебежал через дорогу, оттолкнул фиксатого и с криком: «Руслан!» – налетел на того, заключив в объятия. «Джамбот?...» – недоуменно и тихо воскликнул Руслан, мысленно уже успокоившись, но еще никак не расслабившись телом, готовым к любым неожиданностям.

– Руслан, дружище, извини! Сукой буду, не признал сначала в темноте, а этот козел (он указал на фиксатого), нас с тобой из-за какой-то шалашовки чуть было не сделал кровниками! Это не он тебя, это я его сейчас попишу!

К удивлению Руслана пятеро нападавших затрусили к скамейке, даже не пытаясь возразить Джамботу, кроме фиксатого, молча ждавшего своей участи. «Видимо, он и есть пахан...» – подумал Руслан. Но вслух только сказал: «Джамбот, я этого твоего мудака сегодня искупал в пруду, поэтому он такой психованный, но у меня к нему ничего нет. Это, видимо, из-за соседки, которая сама и решит с кем ей быть...»

– Согласен! Ты только не обижайся! Пацаны еще зеленые, только по первой ходке были, да и я не всех пока знаю. Единственно, что гарантирую – с сегодняшней ночи ты в этом районе можешь гулять с кем хочешь и когда хо-

чешь, ребята тебя срисовали, если что – они и помогут!

Он еще что-то долго объяснял нападавшим по-грузински, после чего все, включая фикса-того, подошли к Руслану и с уважением пожали ему руку. Теперь уже и мышцы расслабились, и настроение поднялось. Поинтересовался состоянием полученной Джамботом раны плеча. Тот ухмыльнулся: «Как на собаке зажило! Медсестра постаралась, еще сто лет буду жить.»

Распрощавшись, они пошли в разные стороны. Руслан добрался до дома поздно. Потихоньку (как ему казалось), чтобы не разбудить сопящих во сне сестер, он шагнул к уже застеленной раскладушке. «Русик! Что так поздно? Что случилось? Мне что-то плохо с сердцем было» – раздался шепот мамы, как всегда не спящей в ожидании блудного сына. «Все в порядке, мамуля, просто долго добирался, трамваи не ходили» – по привычке соврал сын, погружаясь мгновенно в молодой и крепкий сон.

«Он шел по улице освещенной неоновым сиянием витрин, сияющей разноцветной рекламой, подсветками лепнины огромных зданий и отражением от стекол высоких небоскребов. В завитринном пространстве женщина без возраста и особых примет собирала в совок осколки разбитого витринного стекла. Под ногами у него очутился смятый, неопределен-

ной формы и принадлежности мяч, который он отпихнул в сторону. Мяч исчез, но где-то слева послышался глухой удар и звон. Опять где-то разбилось стекло... Женицина направилась к расположенному в подвальчике ресторану, прошла через вестибюль, Руслан – за ней. Через кухню с суетящимися поварами, режущими чего-то, мешающими длинными ложками в котлах, не обращающими на них внимания. Запах вареных лобстеров и морской дух свежих скользких устриц, выглядывающих из раковин дрожащими телами, сбрызнутыми лимонным соком, – сопровождал их вплоть до металлической, обитой грязными алюминиевыми листами двери и защелкнутой замком с контрольной бумажкой внутри, открыв который взявшимся откуда-то ключом, женицина вышла на улицу. Там она сразу провалилась по пояс в поток зелено-черной воды, мгновенно пропитавшей ее бордовое платье. Он бросился следом, но никак не мог догнать. Вот уж она вылезла на крутой берег, прошла мимо толкавших тяжелую тележку деревенских парней и исчезла за деревянным срубом бани. Через мгновение она появилась в сухом платье ярко-красного цвета, и помахала рукой. Он пробежал по узкой дощечке, появившейся из ниоткуда, приблизился к ней. Румянец под смуглой кожей и рыжеватые волосы выдавали в ней

девчонку из какой-то другой жизни. Он увидел, как под платьем начинают наливаться ее груди, руки ее внезапно обхватили его, прижав к себе... Пролился ливень. Полыхнуло солнце. Под ногами разверзлась земля. Он упал в бесконечную пустоту, летя и думая о том, что чего-то он не понял. И понять этого ему не суждено...».

Мама привстала, услышав глухой вскрик сына, дотронулась до его лба. «Не заболел бы!» – подумала она. Руслан слегка всхрапывал, сны ушли в прошлое. Впереди была жизнь. Будут в ней и неизвестные пока ему, пахнущие йодом, морем и путешествиями лобстеры и устрицы, и неразгаданные женщины, и рыжая девчонка с хитрющими глазами.

ВОСПОМИНАНИЙ ВЕТЕРОК...

(Часть I)

Глава 1. Труба зовет

Звонок в дверь. Открываю – стоит свояк Анатолий с виноватым видом: «Саш! Говорил с Горбуновым, просил тебя зайти. Может, что-нибудь стоит придумать, чтобы не забирали в армию?» (Евгений Иванович Горбунов – майор, чернский военком, и сейчас живет в Заречье). А год на дворе – тысяча девятьсот шестьдесят восьмой. Я уже на протяжении двух лет работаю терапевтом в районной больнице. Жена – там же, гинеколог, дочке – 3 года. Но Хрущев в свое время отменил обучение на военных кафедрах в ряде «периферийных» мединститутов. Тоже, видимо, искал возможность пополнить кадровый состав армии людьми с образованием. И вот в чем парадокс: после 3 курса я пытался перевестись из Северо-Осетинского госмединститута в Военно-медицинскую академию. Отказали в военкомате. Из-за зрения в кадровый состав – не годен! Правда, это не препятствовало прохождению действительной службы, после чего начальник Калининского (теперь и ранее – Тверского) госпиталя предлагал остаться в кадрах в должности – сначала старшего ординатора, затем начальника тера-

певтического отделения, что соответствовало званию подполковника–полковника (так называемая «вилка»), в этом же госпитале. Значит, в Академию – нельзя, а сразу в кадры – можно?!

Да что говорить? Впоследствии призванный со мной одновременно специалист-дорожник, окончивший автодорожный институт, после шестимесячного обучения аэрофотосъемке в школе младших авиационных специалистов (ШМАСе), был отправлен дослуживать в часть свои шесть оставшихся до демобилизации месяцев. А расквартированная рядом саперная часть (военные строители) не имела ни одного специалиста-дорожника с высшим образованием. Строить дороги квалифицированно было некому. Командир саперов нашел общий язык с нашим командиром. Оба подписали рапорта по команде о согласии переподчинить нужного инженера, чтобы он год приносил пользу строительным войскам. Ответ был стандартным: «не пущать!». Так, научаясь фотографировать, молодой специалист разучивался работать по специальности, а по окончании службы был приписан по назначению, в саперы, в звании младшего лейтенанта. Таким же горе-фотографом отслужил еще один туляк – врач со стажем в один год работы. И тогда, и сейчас армейской логикой было отсутствие всякой логики.

На следующий день, и затем много дней подряд, майор Горбунов пытался найти хоть какую зацепку для отсрочки. Но уже надвигались 25 лет, до момента наступления которых необходимо было решить: призывать или не призывать. Время было такое, что мало кто пытался, как говорят сейчас – «откосить» от призыва. Да и мне, сыну военного, участника войны, бывшего преподавателя Борисоглебского летного училища, даже и не мыслилось искать окольные пути.

Впоследствии этот период навеял слова, адресованные чернскому военкому.

А где он, чернский военком,
«кому не спится в ночь глухую»?
Ведь я и по нему тоскую,
сглотив воспоминаний ком.

Стакан к заутрене подняв
вина конца шестидесятых,
майор был бесконечно прав!
Я это понял «во солдатах».

Он отправлял меня служить
за Тверь во исполнение долга.
В хмельном сочувствии души
глаза друзей смотрели волгло.

«Ведь ты меня... от жизни спас», –
страдал майор, скрипя зубами.
И водку пил, как летом квас,
матюя крепкими словами.

Десятки лет с часами пик
смешались в неподъемной чаше.
Майор из памяти возник,
как символ молодости нашей.

Не то, что пил! Мы пили все,
борясь со скучностью районной,
в Нечерноземной полосе
людьми и Богом обделенной.

Но, недостатков не тая,
достоинства не выдвигая,
он на посту своем стоял
апостолом в воротах рая.

Простой советский офицер...
Сейчас живет уже – «в запасе»
тем твердым знаком в слове «херь»,
которым наш солдат опасен.

В словах, суждениях – прост и прям,
газетным не чета червивцам...
И в убеждениях – упрям:
не ищет правды по столицам.

Закалка старая крепка.
Живи, майор, коль солнце светит!
Пусть не дрожит твоя рука
все двадцать первое столетье!

Конечно, получив подготовку по электрокардиографии (тогда довольно редкому исследованию в маленьких больницах, только входившему в каждодневную практику), настроившись на ведение научной работы, воспитание дочери – оставлять работу было не просто. Во время учебы в институте впервые на экраны вышел фильм «Коллеги», его герои были для нас неким образцом для повторения судьбы в мирных, хотя бы и трудных условиях. И, вдруг, – армия! Правда и здесь хотелось узнать что-то необычное, проверить себя в ситуации, когда командуешь не ты, а тобой. Тогда надо было исполнять приказы, не обсуждая их, сколь бы они не были нелепы.

Но, видимо, уже в то время закладывались ростки неприятия сложившихся устоев, переставших быть не обсуждаемыми. Очередные номера журнала «Юность» прочитывались залпом от обложки до обложки. А там – Вознесенский, Рождественский, Ахмадулина, Евтушенко, Казакова, Мориц – молодые, соперничающие, остроугольные, непримиримые, рискованные,

словотворческие, свежие! Это потом они зафиксировались в истории как шестидесятники. Слушали Галича, зачитывались Аксеновым и Солженицыным. Уже несколько лет зычно и хрипло пел на согласных не очень известный Высоцкий...

Побрив бороду и коротко подстригшись, я отправился на областной сборный пункт, находившийся около Московского вокзала. Там стригли всех «под Котовского» две неопрятно одетых парикмахерши, пользуясь одной и той же машинкой, лишь отряхивая ее после каждого призывника, не меняя серо-пасмурного цвета простынок, засовывая их за воротники одних ребят с волосами других. Когда на стрижку позвали меня, то, стараясь сдерживаться, пришлось громко и убедительно сказать: «В антисанитарных условиях я сам стричься не буду и, как врач, не могу позволить продолжать это безобразие в отношении других призывников! Прошу пригласить облвоенкома и представителя санэпидстанции. Парикмахеры обязаны не только менять после каждого призывника защитные простынки на стерильные, прошедшие через сухожаровой шкаф, но и обрабатывать сменные части машинок для стрижки волос. Иначе не избежен перенос инфекции и паразитов с одного человека на другого!» Облвоенко-

мом в то время был полковник Аполлонец, впоследствии, лет через десять, ставший моим пациентом и добрым знакомым. Ему доложили о ЧП на областном сборном пункте. Приехал, кажется, кто-то из его заместителей. И, буквально через час, были привезены чистые простыни, сменные ножи для машинок, растворы для дезинфекции. Притихшие было, призывники — загалдели и, по-моему, с удовольствием плюхались в кресла, расставаясь с волосяным покровом на голове. Лишился его и я, но отстоял от бритвы усы, обосновав это отсутствием запрета на их ношение в Уставе (правда, как и бороды, с которой расстался добровольно).

Ночь на деревянных, отполированных до сияния, двухъярусных нарах, была спокойной, как на второй полке в плацкартном вагоне. Утром мы нестройной толпой потопали к Ряжскому вокзалу. Подождав несколько часов, даже пообедав в воинской части, сели в выделенный вагон на поезд, направлявшийся на Тамбовщину, в городок Жердевку, где предстояло пройти так называемый «карантин» до момента принятия воинской присяги.

Туляков в роте было не очень много. С нами проходили курс молодого бойца ребята, предназначавшиеся для прохождения службы в спортивных ротах, мастера спорта по прыжкам

с шестом, по регби. Отношения между всеми складывались нормальные. Ничего из ставшего потом обычным «дедовского» образа службы – не было и в помине. Привыкать к команде: «Рота, подъем!», быстрому одеванию, включая намотку портянок, заправке коек, пришиванию подворотничков, утренней зарядке, маршброскам, стрельбам – было не очень тяжело. Дух соперничества и желание показать молодым, что ты, хоть и «дед» по возрасту (все-таки 25 лет против 18!), но «можешь» быть – и быстрым, и умелым, и исполнительным – придавали силы. Конечно, утомляла маршировка, выполнение уставных команд, подававшихся вперемешку с матом грузным лейтенантом, или бравым сержантом: «На – ле – ву! На – пра – ву! Ша – гы-ы-ым марш! Петя ...твою мать! Сено или солома? ...твою мать!». Зато команда: «Рота-а-а, отбой!» мгновенно вырубала всех. Но, памятуя о подъеме, складывалась аккуратно форма, портянки, – так, чтобы утром все это было за 40 секунд и быстрее одето и прилажено. Обучение стрельбе из карабина заключалось в трехразовом выходе на стрельбище, где отстреливалось по 5 патронов. Видимо, по тогдашним меркам для молодого бойца этого было достаточно. То ли патроны жалели, то ли берегли их для охоты на дичь... Не потому ли

уже в наши дни министр обороны с завистью говорит о стрелковой подготовке афганских моджахедов, или чеченских террористов?

А солдатский срок постепенно продвигался к принятию воинской присяги. Как это было тогда, да, наверное, и сейчас, – этот день прошел торжественно. Было скучновато лишь после отбоя, вспоминался дом, не ограниченная в своей свободе гражданская жизнь...

Я опять пишу стихами,
из стихов слагаю прозу,
а из прозы, собирая
слов цветы – тебе дарю!
Все о чем с тобой мы знаем,
все закаты, луны, росы,
и любимицу рассвета –
пенно-алую зарю...

Изо дня в день – обычные солдатские будни с нарядами, работой на погрузке и разгрузке вагонов с мерзлым углем, муштрой на плацу. Прослышав о моей врачебной специализации, начали обращаться за помощью офицеры, прося проконсультировать своих чад и домочадцев. Посещая офицерские семьи, как бы возвращался к гражданской жизни, но это только расслабляло, заставляя еще более скучать по дому.

Наконец, были получены разнарядки в части Московского военного округа. Мне было предписано для дальнейшего прохождения службы явиться в воинскую часть 74326 «У», расположенную в г. Вышний Волочек Калининской области. Получив проездные документы, кое-как экипировавшись (по размеру не нашлось ни шинели, ни парадного мундира, поэтому одел рабочий бушлат и единственную подошедшую гимнастерку), отправился через Москву к месту службы.

В те годы Вышний Волочек был известен на всю страну как город, в котором трудится Герой Социалистического труда ткачиха-многостаночница Валентина Гаганова, которую официальная пропаганда сделала героем своего времени. Прибыв на вокзал, расспросил прохожих о месте своего назначения. Оказалось, что воинская часть стоит обособленно в так называемом Красном городке, в 1,5–2 км от райцентра. Добрался туда пешком. Автоматические ворота КПП перекрывали въезд на территорию бывшего мужского монастыря. Были видны небольшие постройки, несколько кирпичных, по виду – новых зданий казарм, старинное, красного кирпича мощное здание многоглавого собора. Представившись дежурному по части, был направлен в роту постоянного состава, где

и определился окончательно с будущим местом пребывания в течение года.

Оказалось, что ШМАС готовит специалистов для аэрофотосъемки, воздушной разведки, подчиняется ВВС Московского военного округа (МВО), а также является местом прохождения курса молодого бойца для команды 50, направлявшейся затем для несения службы в ГСВГ (группе советских войск в Германии). Командовал тогда ВВС МВО трижды Герой Советского союза, известный всей стране генерал-полковник Иван Кожедуб, с которым потом мы встречались во время его прилета в часть с инспекторской проверкой. Командиром части был полковник Мясоед, заместителем — полковник Комаринский, заместителем по МТО (материально-техническому отделу) — подполковник Ягодкин.

Уже перед демобилизацией, в случайном разговоре, Комаринский спросил, где я жил в первые послевоенные годы. Узнав, что по месту службы отца — на Сахалине, даже расстроился, что раньше не удосужился спросить об этом. Выяснилось, что по окончании училища полковник (тогда — лейтенант) попал на Сахалин и начинал свою офицерскую службу под началом моего отца, находившегося тогда на генеральской должности инженера армии, бу-

дучи в звании капитана. Это было связано с тем, что в 1945 году на Южном Сахалине японцев уже не было, они перебрались на о. Хоккайдо, сопротивления нашим войскам не оказывалось, и там дислоцировалась кадрированная (неукомплектованная, разворачиваемая только в период боевых действий) воздушная армия.

Детская память сохранила некоторые фамилии офицеров, которых знал Комаринский: генерал Белоконь, полковник Понизович, майор Шарко... Долго вспоминали особенности сахалинской жизни. Мощные снегопады, перекрывавшие на недели движение по узкоколейке от Южно-Сахалинска до Долинска, засыпавшие одноэтажные дома с крышами, когда приходилось прорывать тоннели от дома к дому. Зимние морозы, в которые школьники носили в варежках чернильницы-непроливайки, чтобы не замерзали чернила. Летнюю жару с буйным ростом ввысь всех трав, так, что лопухи достигали полутораметровой высоты (почти субтропическая скорость роста!) Весенний нерест лососевых (кеты, горбуши), когда воды в мелкой речке почти не видно и кажется, что русло заполнено выпрыгивающей рыбой, мчащейся в верховья на икромет. Берега реки усеяны краснорыбицей со вспоротыми брюшками, которую

пацаны вытаскивают на берег с помощью самодельной остроги – вилки, привязанной к палке. Остатки брошенных японцами танкеток, с которых было удобно ловить рыбную мелочь. Лесные пожары на сопках, едким дымом и сильным туманом обрушивающиеся на поселок. Пожары зачастую связывались с умышленными поджогами леса бродячими группами японцев-диверсантов, изредка похищавших детей военнослужащих с целью обмена на военнопленных. Крушения самолетов из-за плохой ориентировки среди сопкок, оставляющих на месте падения металлические части, разбросанные по выгоревшим проплешинам. Фанзы из бумаги, реек и древесных опилок, сгоравшие во время пожаров целыми улицами. Корейцев, трудившихся, кажется, круглые сутки на своих делянках, покрывавших склоны сопкок. Они выращивали на них огромных размеров овощи: огурцы вырастали до метрового размера, редиска – до полуметра, правда, вкуса не ощущалось никакого. И не только климат определял величину урожая. Делянки поливались разведенными водой фекалиями, которые вычерпывались из выгребных ям, часто украдкой, по ночам, и в бочках доставлялись к месту назначения.

Сахалин так и остался в памяти снежным и жарким, полусказочным и полувоенным. Где

еще свиней кормили красной рыбой, погибшей при походе в верховья на нерест, устилавшей сплошь берега мелководных речек? Где еще можно было поесть дивного аромата котлет, приготовленных из такой свинины? А котлет из свежевывловленной кеты? А красной икры из маленьких бочонков, имевшихся на зиму в каждой семье? И это в то время, когда хлеб выдавали по карточкам. Однажды, потеряв недельный лимит таких карточек по дороге в магазин, я оставил семью без этого ароматного, необходимого продукта. А через неделю, сжимая в руках драгоценные кусочки бумаги, я бежал к месту подвоза только что выпеченного хлеба, буханки которого доставлялись в деревянном ящике, обитом оцинкованным железом, на санях, тащившихся коротконогой лошадежкой. Конечно, хрустящая корочка и, особенно, уголок буханки – по дороге домой неизменно исчезали, растаяв во рту. На паек командному составу, офицерам, выдавалось вяленое мясо: либо оленина, либо медвежатина. Особую радость у детей вызывало сгущенное молоко, поставлявшееся из Америки по ленд-лизу. Оно было в 1,5 (или 2?)-литровых жестяных банках, в которых мы с младшей сестрой Ольгой, (родившейся на Сахалине в 1947 году и в возрасте нескольких дней уже перелетавшей с нами из

одного конца острова на другой), проделывали гвоздиком дырочки и периодически наслаждались своеобразным ароматом и сладостью. Бабушка удивлялась и сетовала на американцев, закупоривающих «неполные» банки. Ну и, конечно, поступала периодически известная всем свиная тушенка, также в больших банках. Правда, все эти яства выдавались на длительный срок, свежего мяса или яиц – достать было практически невозможно, да и стоили они неподъемных для семьи денег. Но даже в самые голодные послевоенные времена армия снабжалась неплохо. Голодных обмороков у летчиков (как в наше недавней памяти время) быть не могло, поскольку все необходимое, даже шоколад, выставлялось в офицерских столовых перед полетами не только в мирное, но и военное время.

Уже в конце шестидесятых перед моими глазами разворачивались совсем иные картины. Но об этом – чуть позже.

Освоившись в роте, пришел в лазарет для знакомства с начальником медицинской службы вышневолоцкого гарнизона. Им был майор Шая Аронович Школьник. Худощавый, с резкими движениями, постоянным подергиванием руками, как бы поправляющими китель. По-доброму выслушав историю моего появления в

армии, он сразу наметил основные вехи службы в части. Прежде всего, им было дано представление, и меня зачислили на должность заместителя командира взвода–инструктора, присвоено звание младшего сержанта (к концу службы пришлось дослужиться до старшего сержанта). Шая Аронович правильно предусмотрел возможные будущие сложности с зачислением в стаж по специальности времени пребывания на службе, поэтому была оформлена справка, что, работая в должности замкомвзвода-инструктора, я выполнял функции врача–специалиста. Рутинная служба не давала возможности майору отлучиться для обследования и лечения в госпитале перед уходом в запас. Поэтому он, после знакомства со мной и 2–3 месяцев совместной работы, на длительный срок уехал в Калинин на обследование, возложив на меня свои обязанности по приказу. Этот милый по сути человек выглядел со стороны занудой и придирой. Он говорил: «Александр Александрович! Надо десять раз перепроверить, как исполняется порученное кому-нибудь дело. Никому не верьте, даже себе. Все равно чего-нибудь забудете и сделаете не так». В справедливости его слов пришлось убеждаться постоянно.

Первым серьезным испытанием был осенний призыв, когда сотни ребят из Азербайджана и Узбекистана были доставлены в Калининскую губернию. Промозглая погода, большая влажность, низкая температура – оказали свое губительное воздействие. Начала расти заболеваемость, отвечать за которую приходилось почему-то медслужбе, а не головотяпам в центре, мановением указующего перста перебрасывающих людей с севера на юг и наоборот. На смену солдатам с потертостями ног (от портянок) и чесоткой – в стационар стали поступать больные с пневмониями. Было зарегистрировано также несколько случаев экссудативного плеврита, с быстро нарастающей экссудацией (накоплением жидкости в плевральной полости). При обнаружении жидкости на уровне второго ребра, в соответствии с жизненными показаниями, проводились плевральные пункции, жидкость удалялась, назначалось соответствующее лечение, а затем осуществлялась транспортировка во фтизиатрическое отделение Калининского военного госпиталя. Внезапно оттуда в часть нагрянула комиссия с задачей разобраться: кто такой посмел делать плевральные пункции, когда их умеет выполнять только начальник фтизиатрического отделения госпиталя? Почему не осуществляется транс-

портировка сразу в госпиталь? А также было дано распоряжение наказать виновных. По приезде комиссия получила от майора Школьника исчерпывающие разъяснения. Было указано тем не менее на необходимость прекратить проведение пункций плевральной полости. Пришлось в достаточно резкой форме ответить, что даже если мне будет грозить трибунал — при наличии уровня плевральной жидкости, угрожающего жизни больного, пункции все равно будут проводиться, ибо отказ от них — это неоказание помощи и уголовное преступление. Установки армейские не должны быть главнее общечеловеческих принципов.

Исход проверки мог стать непредсказуемым. Официально в части не было рентгенолога, хотя был рентгеновский аппарат, на котором работали сотрудники госпиталя при осмотрах. Было выдвинуто обвинение в отсутствии динамического контроля уровня жидкости в плевре. Тогда пришлось показать серии рентгенограмм, которые делались по показаниям, регулярно. Имея некоторый опыт работы с техникой, мной были освоены и рентгеноскопические и рентгенографические исследования. К счастью, среди медсестер (в основном — жен офицеров) была прошедшая когда-то специализацию рентген-лаборант, поэтому велась

необходимая документация и пополнялся архив снимков. Убедившись в наличии динамического наблюдения, представитель госпиталя высказал лишь удивление, зачем это я работаю на рентгеновской аппаратуре? «Служил бы себе спокойно оставшиеся месяцы. Солдат спит, а далее все понятно...»

Уехали визитеры с чувством исполненного долга, и больше претензий к работе я не имел. Однако повторные беседы с представителями госпиталя оказались не напрасными, поскольку спустя несколько дней в часть был доставлен электрокардиограф, присутствие которого я мотивировал необходимостью углубленного осмотра солдат команды 50. Помогло и наличие удостоверения специалиста-электрокардиографиста.

На УАЗике приходилось выезжать в городские аптеки, добывая необходимые медикаменты. Из-за стекол вглядывалось в меня северное лицо природы, отличное от средне-российского. Вспоминалось радищевское «Путешествие из Петербурга в Москву», зафиксировавшее особенности этих мест, а также эпитафия из Тредиаковского: «Чудище обло, озорно, стозевно и лаяй». Сейчас жалею, что никогда не вел дневников, не делал путевых заметок. Разве потом, когда упрятывал происходящее вокруг в стихотворные строчки:

Листья желтые. Ветки мокрые.
Все обыденно. Все осеннее.
В грязной жиже лягушки дохлые,
Русь – старинная, Русь – Есенина.

Называем столетья по-разному:
век наш атомный, век космический.
Но название векам – дело частное,
только Истина – историческое.

То же небо измазано тучами,
и все также вороны каркают.
Люди – стали немножечко лучше,
а дожди – знай: то льют, то капают.

По стогам, по лесным полянам
хлещет ветер водой холодной –
по колхозникам, по крестьянам,
и по сытым, и по голодным.

По столетьям, по тысячелетьям,
по коричневым, желтым, белым...
Старикам и юнцам, и детям
дождик осени моет тело.

Мир очищенный, Русь умытая –
Каждой осенью обновляются.
Стынет грязь в колее разбитой,
Да от ветра изба шатается

А при возвращении в часть – бросалось в глаза какое-то запустение, нежизненность, ущербность бытия. Старое – существовало, ветшая, разрушаясь и ржавея, новое – не ощущалось никак. Так по пути в Торжок видел старую церквушку, «памятник архитектуры, охраняемый государством», в которой размещался склад ядохимикатов. Кошунственно розовели россыпи ядов, шуршали разорванные пластиковые мешки, а случайный луч солнца вдруг высвечивал нетленной красоты лик, написанный искусным мастером, уже наполовину изъеденный ядовитыми парами, но потрясающе живой, исполненный величия и святости.

В самом Волочке основное время проходило в периметре части, где в старых монастырских зданиях располагался наш лазарет, рядом с которым мощной громадой высился собор, который, со слов старожилов, неоднократно пытались взорвать с целью увеличения территории и получения кирпича. Но мастера времен Екатерины II, или чуть позднее, не на словах, а на деле умели делать вечный известковый раствор на белках яиц. Своими глазами видел глыбы кирпича в виде монолитов, разбросанных взрывом по сторонам, но нигде зона раскола не приходилась на швы между кирпичами, которые сами раскалывались в разных

местах, но швы – никогда. Кстати, по преданию, между мужским монастырем в Красном городке и женским монастырем в самом Волочке был прорыт подземный ход. Причем рыли его с обеих сторон монахи и монашки. Рылся ли он для укрытия монашества при нападениях врагов, или для тайных свиданий – никому не ведомо. Но уже в мою бытность обследование этого потайного хода, обложенного кирпичом, имеющего на всем протяжении несколько боковых комнат, позволяло использовать его в качестве бомбоубежища. И глубина залегания была достаточной, и кладка ничуть не пострадала от времени.

Тоскливая, дождливая, раздуваемая ветром осень – не влияла на настроение из-за каждодневной загруженности, разве что перед сном заставляла быть чуть-чуть сентиментальнее.

Маковки церковей заброшенных
проржавели до стропил.
Лик святого искореженный
укоризненно застыл.
Видит он глазами тусклыми
тот же город, тот же пруд,
и, как прежде, люди русские
в стельку пьяные идут.

Неба серое полотнище,
над крестами – воронье,
на сто верст одни болотища,
да прокисшее жнивье.
Зябкость холода осеннего,
мокрость луж, дождя поток,
злого ветра песнопения –
вот какой он, Волочек!

И тут случилось ЧП! Внезапно пропал рядовой роты постоянного состава. Не явился из увольнения, что обнаружилось после вечерней поверки. От таких случаев застраховаться ни в одной армии не удастся. А наши солдаты находятся в самых аскетических условиях. Им все запрещено! А они – молоды. Им хочется любви и приключений. Вышний Волочек – ткацкий городок, в котором мужчины нарасхват. Вероятность, что любого солдатики завлечет к себе в гости какая-нибудь бойкая ткачиха – велика. А, когда после танцев, употребления спиртного, удастся проводить пышненькую и глазастенькую девочку до дома, временным хозяином войти в него, отведать домашних пирожков, да и остаться на всю ночь, невзирая на известные последствия, – какая уж тут гауптвахта остановит?

Но после утренней поверки, не обнаружив солдата, опросив сослуживцев, удалось выяс-

нить именно такую ситуацию и даже адрес девчонки, у которой мог заночевать пропавший. Наряд съездил к ней домой. Оказалось, что еще вечером солдат распрощился с возлюбленной и направился в часть. Решено было прочесать местность между городом и расположением части. Две роты растянулись на местности, имея по 3–4 метра между каждым человеком. Спустя пару часов был обнаружен труп пропавшего военнослужащего в нескольких сотнях метров от периметра части. Солдат лежал на животе, на склоне бугра, поросшего кустарником, головой в сторону казарм. Став в полный рост, можно было хорошо различить строения, а ночью – огни в окнах (тогда еще не было Чубайсовщины и электричество не отключалось). Немедленно сообщено о случившемся в военную прокуратуру. Но день был выходным. Дежурный сказал, чтобы мы самостоятельно провели осмотр места происшествия и сделали соответствующие записи и фотографии. Что делать? Пришлось вспомнить институтские познания в судебной медицине. При прохождении этого цикла студенты присутствовали при осмотре и описании мест убийства и самоповешения. Припомнив так же детективы от Шерлока Холмса до майора Пронина, удалось довольно подробно, может даже и излишне, описать место происшествия. Были сделаны фото-

снимки трупа в разных ракурсах. Изложены вероятные причины случившегося. Главной задачей было – не упустить косвенных признаков насильственной смерти. Общий осмотр исключал травму, удушение и другие внешние воздействия. Не хотелось думать об отравлении. В дальнейшем, после судебно-медицинского исследования, подтвердилась высказанная версия: находясь в состоянии алкогольного опьянения, солдат возвращался в часть, но так как он опаздывал на вечернюю переключку, то решил идти через поле напрямик. Светились огни военного городка, шел мелкий колючий снег, свистел ветер, но на душе было тепло от недавней встречи и выпитого вина. Только между тем местом, откуда им было решено срезать угол, и воинской частью – находилась поросшая кустарником ложбина, спустившись в которую терялись все видимые ориентиры, а небо было беззвездным из-за непроницаемых снежных туч. При осмотре места происшествия мы обратили внимание на круговые следы по ложбине, хорошо видные на свежавыпавшем снегу. Солдат несколько раз прошел по своим же следам (так и в трезвом состоянии бывает в глухом лесу и в пасмурную погоду), затем догадался подняться на склон. Ходил он долго, устал, увидел огни части, понял, что почти дома, и от усталости и выпитого сделал непоправимую

ошибку – решил прилечь и отдохнуть. Затем уснул. А холод и пронизывающий ветер довершили свое черное дело. Молодой восемнадцатилетний парень замерз по причине, описанной в многочисленных книжках. Он пожалел себя! Такое вот ЧП, в котором не виновата ни армейская служба, ни дедовщина.

В повседневной работе настали некоторые перемены. Из-за отсутствия майора Школьника и необходимости быть постоянно в лазарете, мне выделили маленькую комнату на его территории, на втором этаже, недалеко от дежурки, где стояла солдатская кровать. С этим помещением связано немало воспоминаний, как смешных, так и не очень.

На первом этаже, прямо под этой комнатой, располагалось караульное помещение. И вот, однажды, ночью меня внезапно будит стук в дверь. Встаю, но легкая задвижка под напором отлетела, дверь шваркнула об стенку и я увидел испуганные глаза подполковника Носова, дежурившего в тот день по части. Испуг сменился радостью. Он бросился ко мне с восклицанием: «Жив, Сан-Саныч?!» Спрашиваю: «А в чем дело? Что стряслось?» Тогда он рассказал, что в караулке отдал команду «В ружье!». Один из караульных, узбек по национальности, вскочил и с усердием ударил прикладом карабина об пол. Вдруг раздался вы-

стрел. Потолочные перекрытия хлипкие, а пуля из СКС прошивает рельс, поэтому, зная, что наверху нахожусь я, он со всем караулом помчался в лазарет. Мы тут же подошли к койке. На расстоянии десяти сантиметров от края ее, на уровне изголовья, в полу чернело круглое отверстие, как и в потолке – по ходу трассы полета пули. Пришлось срочно доставать спирт, как лучшее средство успокоения подполковника и «обмытия» удачного выстрела. Однако одним из тостов был: «За повышение «целкости» ворошиловских стрелков нашей части!»

Терпеть не могу зимнюю одежду! Потеет голова, непривычная к головному убору. Поэтому в части, кроме гимнастерки х/б, надетой на нательную рубаху, в любой мороз, даже при обслуживании солдатских лыжных соревнований, я никак не утеплялся. И спал всегда с распахнутым окном, благо, никто не подходил к дверям моей кельи, за которой завывал ветер и падал снег. Так, уснув крепко и спокойно, забыв задвинуть запорную щеколду, посреди ночи вдруг просыпаюсь от нечеловеческого женского крика. Выбрасываюсь из постели и вижу в полутьме меловой белизны лицо дежурной медсестры, кстати, жены того самого подполковника Носова, который незадолго до того вторгся в мою комнатенку. Включил свет, на-

бросил больничный серо-муругий халат, и пошел в дежурку, куда привели из роты больного солдата. И только потом медсестра смогла внятно рассказать о случившемся. Оказывается, она постучалась, чтобы пригласить меня на осмотр поступившего пациента, но я не отвечал, видимо, только что уснул. Тогда она приоткрыла дверь... Раскачивающийся за открытым окном фонарь наружного освещения желтым светом высвечивал мое лицо на подушке, руки были сложены на груди, как у покойника. Довершал картину густой снег, наметавшийся из окна белыми холмиками на стол, одеяло и усы. Дышу я редко, поэтому создалось недвусмысленное впечатление о кончине младшего сержанта и врача-специалиста. Сделав необходимые назначения, оказав помощь и госпитализировав пациента, дождался кипения чайника. Не спалось. Взял трубку телефона и позвонил Носову. Тот спросонья чуть не побежал за «тревожным» чемоданчиком. «Что там опять произошло?» Когда же узнал в чем дело, то пожалел, что до городка не на чем добираться, иначе непременно явился бы поднять мензурку спирта за семейную традицию – считать доктора усопшим.

Глава 2. Транспортные сны

К лазарету были прикреплены две машины. Одна – обычный санитарный УАЗик-буханка, другая – ГАЗ-66 (военный грузовик с обрубленным носом, с расположенным горизонтально рулем, мотором, высунувшем в кабину свой горб, разделявший водителя от пассажира, сзади которого располагался рычаг управления многоступенчатой коробкой передач). Все машины находились в гараже части, приезжая к лазарету по моей заявке. Но ГАЗ-66 был предназначен лишь на время проведения учений для перевозки имущества лазарета, поэтому все колдобины дорог выпадали на колеса УАЗика.

Водителем был Вася Копылов. Парень призывался с Украины, был ростом за метр девяносто, с длинными руками, неплохо сложен. При условии активных занятий спортом – стал бы отличным боксером. Но то ли молодость, то ли наследственные свойства тому причиной, только Васю прельщал особый вид «спорта». Уж очень он интересовался женской разнообразностью человечества! За время службы многие дочери офицеров побывали в его могучих объятиях. А перед увольнением ему удалось соблазнить чадо одного из заместителей командира полка, имея дальний прицел на получение

возможных льгот по досрочному освобождению от службы. Маячила также и перспектива остаться в городе, имея крышу над головой и по жизни.

И, конечно, его любимым продуктом питания было мягкое, румяное, с мясными прожилками, слабого посола, источающее аромат чеснока, сало. А еще – черный, заварной, с запахом тмина хлеб (нынче вместо тмина его обсыпают кориандром). Да еще добрый стакан горилки.

В условиях солдатской службы удавалось добывать бутылку – другую пшеничной или сахарной самогонки. Доставляла ее обычно жена одного из старшин сверхсрочной службы (тогда, кажется, еще только вводилось звание прапорщика), работавшая сестрой-хозяйкой лазарета. Это была полная, краснощекая, сорокалетняя женщина, с веселыми глазами, которая умела не только заразительно смеяться, но и по-матерински относиться к солдатам, не допуская вольностей, а только намекая на них. Ее любимой частушкой была:

«У меня трусы в горошек, хороши да хороши.

Все ребята приставают – покажи да покажи!

Только ты, дурак большой, что не приставаешь?

У меня трусы в горошек. Ты не понимаешь?»

Но тот же Вася, рассчитывая на легкую победу, получил однажды пощечину, которая долго горела красной пятерней на его щеке после визита в каптерку. Больше такого не повторялось.

В октябре месяце, в ненастную погоду (дождь со снегом, ветер) получаю приглашение от подполковника Ягодкина – начальника МТО (материально-технического отдела) на день его рождения.

Подполковник был приятным собеседником и, несмотря на имевшие место служебные трения между нами, был отходчив и незлобен. Так, на состоявшемся летом спортивном празднике нашей части кто-то из солдат, обслуживающих громкоговорящий узел связи, врубив при появлении Ягодкина на футбольном поле на полный звук динамики, объявил: «А сейчас по просьбе подполковника Ягодкина исполняется его самая любимая песня!» И включил известную в то время мелодию с припевом: «Дай! Дай! Дай!». Громкий хохот всех присутствующих и соревнующихся ничуть не смутил офицера. Он смеялся вместе со всеми и на попытку капитана Сопельняка разобраться с виновным, попросил его не портить никому настроения.

Так вот, вызываю из гаража транспорт, к лазарету подруливает ГАЗ-66 (у УАЗика накануне было разбито ветровое стекло). За баранкой – улыбающийся Вася, который сразу просит о внеплановом увольнении. Мол, у него уже есть договоренность с одной из пассий о встрече, и, пока я буду в гостях, он успеет посетить очередную (к тому времени седьмую или восьмую) подругу. Соглашаюсь, потому что надеюсь пробыть на дне рождения не менее 2–3 часов, а Волочек – городок небольшой, а Вася – малый шустрый. Успеем до отбоя. Ибо, в случае задержки, старшина гаража может поднять тревогу из-за отсутствия машины и водителя.

Правда, к санитарной машине требования были менее жесткими, так как часто приходилось ездить в город, в Кашарово, и не всегда в дневное время, а в зависимости от необходимости. Да и Вася приспособился ночевать не в роте постоянного состава, а в одной из палат лазарета под предлогом быть всегда начеку при срочных поездках с больными солдатами на консультацию.

Как водится, день рождения затянулся часа на полтора сверх ожидаемого. Ягодкин позвонил в гараж, предупредил о возможной моей задержке. Уже перед окончанием пиршества дежурный по части по телефону предупредил

подполковника о том, что объявлено штормовое предупреждение, но необходимости в присутствии юбиляра пока нет.

Я распрощался с гостями и вышел на улицу. Мело крупным снегом, а когда ветер стихал – снежинки хлопьями падали чуть наискосок, закрывая дальний обзор. Казалось, воздуха вокруг не было. Существовал только белый шатер из снега, перекрывавший все обычные городские источники света: фонари, окна, фары.

Темный параллелепипед машины стоял вплотную к частоколу, огораживающему дом. Молодец, Вася! Успел. Взбираюсь на высокую подножку, предчувствуя спокойный отдых до части под Васиных рассказы о его приключениях. Вот те на! Мой Василий пьян в баранку, на которой покоится его голова, источающая рвотный запах самогона. Все попытки разбудить, растолкать, отmaterить, отмордошлепать – без всяких признаков успеха! Вернуться в дом Ягодкина – подставить Васю, от которого пока невозможно получить разъяснений. Начнется расследование и так долгожданный им «дембель» может затянуться на неопределенное время.

Остается одно – попытаться самому довести машину до части, а там уж разбираться. Тем более, что штормовое предупреждение

предусматривает закрепление самолетов на стоянках, во время которого могут быть всяческие травмы и в любую секунду реальна потребность в медицинской помощи. Еле-еле удастся перетащить длинноногого Васю на свое сидение, несмотря на все попытки попасть огромным кулаком в потревоживший его кошмар. Раздался богатырский храп, а я стал усиленно вспоминать предыдущий опыт вождения.

Помню, в школе в 10 классе нас обучали этому. Изучал правила, на старом кряхтящем «газоне» раза три проезжал по городу Орджоникидзе (но по его окраинам, с незначительным в те поры движением), стараясь проскочить по краешку встречающихся канализационных люков. Однако, когда мне это удалось в первый раз, – раздался хрустящий скрежет и многоэтажный мат инструктора одновременно. Это я прозевал встречный грузовик, «умело» притершись к его борту. За рулем встречной, видимо, сидел такой же «опытный» шофер, потому что, остановившись, мы увидели только хвост газующей, удаляющейся со скрежетом и тарахтеньем машины. Да еще в 9 классе я достаточно быстро разбирал моторы автомобилей различных систем, проходя практику на мото-базе, где делался капитальный ремонт движков, и даже самостоятельно шабрил подшипники.

Но на таком монстре, как ГАЗ-66, все было необычным. Поскольку мотор тихо ворчал про себя (видимо, Вася его не стал выключать), я начал искать, где включается свет. Случайно тронул тумблер на торпедо (кажется, слева от руля или посередине) – зажглась фара прожектора. В его луче виднее стала дорога, да и снег падал уже не так густо, разгоняемый подоспевшим сильным ветром. Выжал сцепление, перевел в какое-то мне неизвестное положение рычаг переключения передач. Отпускаю педаль. Машина дернулась назад, выдавив несколько досок штакетника из забора. Повторил маневр, передвинув рычаг в противоположную сторону. Машина рванулась необъезженным быком из родео (значит, попал на повышенную передачу!), но искать другое положение не стал и поехал по пустынной улице, регулируя скорость только педалью газа.

Наконец, последний поворот перед Красным городком. Далее – прямая дорога вплоть до КПП части. В свете единственной включенной прожекторной фары вижу фигурки караульных, увидевших приближающуюся машину. Замечаю также офицера с красной повязкой – дежурный по части. Ну, была, не была! Тормозить не буду! Даю протяжный сигнал и, не снижая скорости, еду на ворота с красными

звездами, высунув руку из окна кабины и жестикулируя, подавая знаки открыть ворота. Видимо, машину узнали. Ворота отъехали в сторону и, прибавив газу, я ворвался на территорию части. Сразу за КПП и баней – поворот направо. Уверенный в благоприятном окончании путешествия и гордый своей водительской удачей, лихо кручу баранку вправо, но не рассчитываю (а, вернее, даже не думаю об этом) угол, и сминаю ограждающие бетонные столбики. Выбираюсь на прямую и в свете своей циклопией фары вижу выходящих из штаба офицеров, наклоняющихся вперед для противодействия нешуточному ветру. Проехав мимо, замечаю удивленное лицо командира части, его зама – полковника Комаринского, капитана Сопельняка. Они все собирались по тревоге и, видимо, только что расходились по домам.

Предчувствуя вероятные расспросы, торможу около лазарета, выпрыгиваю из кабины, распахиваю дверку с Васиной стороны, вытаскиваю его, взваливаю на плечи и быстро несусь ко входу в лазарет. Там, в небольшом тамбуре, сваливаю его на пол, выхожу к машине. Из снежной круговерти вываливается запорошенная сверху донизу фигура капитана Сопельняка.

– Сан Саныч, что случилось?

– Да у нашего фельдшера Палкина кишечная колика или аппендицит, может быть придется везти в райбольницу. Копылов его сейчас поднимает наверх. Доложите командиру, что пока помощи не требуется, но машина должна быть под рукой, около лазарета.

– Позвоните дежурному по гаражу, предупредите его, я все доложу командиру.

Капитан затрусил в ночь, а я потащил Васю на второй этаж, уложил его в свободную палату, попросил медсестру понаблюдать за ним, дозвонился в роту постоянного состава, распорядился, чтобы ефрейтор Палкин немедленно был в лазарете. Когда тот, переваливаясь с ноги на ногу и дремля на ходу, поднялся по лестнице, я ему рассказал, что произошло. Почуть приоткрывшемуся левому глазу (Толя умел спать стоя) понял, что дальнейших разъяснений не потребуется. Палкин степенно прошел в палату, сбросил с себя гимнастерку, брюки (из-за пояса которых выпали портянки, не намотанные ленивцем на ноги), и немедленно захрапел, повалившись на койку.

Утром состоялся долгий разговор с Васей. Оказывается, мать претендентки на сердце и объятия Василия разогнала ловеласа из квартиры, прослышав накануне о его былых похождениях. Тогда обиженный Вася ринулся на «запасной аэродром», в общежитие ткачих, где его

накормили, напоили, и полюбили. Вышел перебор, или водка оказалась чересчур крепкой, но случилось то, что случилось. Виновато кося глазами, Вася спросил, как очутился в лазарете. Узнав про благоприятный исход происшествия, тут же попросил походатайствовать перед командиром роты о предоставлении увольнительной для восстановления «семейных отношений». «Стыд не дым, глаза не выест!» – говорила в таких случаях моя бабушка Александра Павловна.

Глава 3. Грипп в части

Зима стояла морозная, светлая. Но она принесла с собой очередную эпидемическую вспышку гриппа. В самом Волочке даже было несколько смертных случаев. Основной заботой было не допустить неприятных исходов в части. Согласно инструкциям в казармах были развешены мешочки с хлорной известью, отменены увольнения, усилилась витаминная профилактика. Правда, старшина Карпенко, командовавший на кухне, всегда разнообразил рацион зеленым луком и зеленью, которые весенними свежими горками лежали на солдатских столах. Карпенко был высокого роста, с закрученными по буденновски кверху пышными усами, говорил с небольшим украинским

акцентом, и от всей души старался, чтобы солдаты были сыты.

Когда-то с отцом на Сахалине служил офицер, кажется подполковник, фотография которого в составе группы друзей где-то лежит до сих пор. Он носил точно такие же усы и ту же фамилию – Карпенко. Но наш старшина никакого отношения к отцовскому сослуживцу не имел, остается предположить, что это случайное (но, тем не менее, закономерное, хотя бы в соответствии с законом парных случаев) совпадение.

Во время визита в часть командующего ВВС МВО Кожедуба старшина Карпенко за отеческую заботу о солдатах удостоился истинно российской награды. Генерал налил два стакана водки (себе и старшине), предупредил подполковников-вертолетчиков, что назад в Торжок вертолет поведут они (от Торжка до Волочка он сам был за штурвалом), и с удовольствием опустошил «маленковский». Впрочем, Карпенко сделал это значительно скорее командующего, но из вежливости задержал у рта пустой стакан, пока генеральский не оказался на столе.

А вот отношения с капитаном Сопельняком у нас не сложились. Он заведовал снабжением воинской части продуктами, каждый раз

что-то выгадывая для себя в ущерб солдатам. Так, случайно я обнаружил, что вместо полагавшихся по меню-раскладке овсяных печений в праздничные дни – на раздачу поступали самые дешевые галеты. Сказал ему об этом, прося объяснить причины. В забежавших глазах причина виделась ясная, но он сослался на отсутствие нужного печенья на складе, не объяснив механизм соответствующей компенсации солдатского рациона.

Однажды на склад завезли большую партию соленой трески. При вскрытии бочек по всем помещениям пищеблока разносился гнилостный запах, внешний вид рыбы оставлял желать много лучшего, но от капитана поступило распоряжение обеспечить вымачивание этой трески в ваннах с водой в течение суток с последующим приготовлением пищи в соответствии с меню-раскладкой. После вымачивания и приготовления неприятный запах сохранился, на вкус рыба была отвратительной. Как ответственный за качество солдатской пищи, я запретил выдачу рыбы, заменив ее в тот день макаронами по-флотски с тушенкой. Одновременно пригласил представителя районной санэпидстанции, который составил соответствующий акт о недопустимости употребления в пищу всей партии трески. Акт я оставил у себя.

Старшина Карпенко был возмущен не меньше моего, но считал, что от выдачи испорченной рыбы может спасти только ее многократное промывание для избавления от запаха (как и от всех еще остававшихся в ней полезных ингредиентов). Он решил, что командир, находившийся в дружеских отношениях с начальником продовольственного отдела, поддержит его, несмотря на все наши убедительные доводы.

На следующий день капитан Сопельняк доложил командиру о моем неподчинении и тот вызвал меня для выяснения обстоятельств и соответствующего «разноса». Командир предварительно уже был настроен на полную поддержку капитана, поскольку партия рыбы была закуплена достаточно большая, а с финотделом связываться не хотелось. Вероятно, были и иные причины, по которым командир приказал начать включать рыбу в меню-раскладку и готовить из нее блюда после вымачивания в воде. Однако я тут же доложил ему, что накануне вынужден был вызвать районную СЭС для составления акта о невозможности употребления в пищу этого продукта и предъявил ему второй экземпляр этого акта (первый экземпляр остался в СЭС, на руках у меня была также еще одна копия, которую мне любезно оставил санитарный врач). Капитан чуть не задохнулся от зло-

сти и пытался убедить командира, что вопросы с СЭС он решит и отзовет предъявленный акт. Тогда я упомянул о наличии третьего экземпляра акта, который будет предъявлен в военную прокуратуру в случае выдачи рыбы на солдатские столы вместе с документами о махинациях продовольственного отдела с пересортицей печени. Мне было предложено удалиться продолжать исполнение служебных обязанностей. Но уже через пять-шесть минут из окна можно было наблюдать, как выбежавший из кабинета командира Сопельняк, матерясь и брызжа слюной, взгромоздился в кабину пищеблоковской машины-фургона и помчался в известном только ему направлении.

Карпенко был рад восторжествовавшей справедливости и впоследствии неоднократно становился на мою сторону в различных спорных вопросах, возникавших со службой снабжения. А с капитаном до конца службы я больше не виделся.

Но вернусь к гриппозной эпидемии 1968 года. В ротах велись постоянные беседы по профилактике гриппа, хотя при высокой скученности достаточно было одного контакта, чтобы вирус разбушевался. Из Минобороны нагрянула очередная комиссия из нескольких генералов, в том числе ответственных за поли-

тическое воспитание. Командир отрапортовал о проведенной профилактической работе. Несмотря на отсутствие майора Школьника по болезни и фактическое исполнение мною обязанностей начальника медицинской службы Вышневолоцкого гарнизона, я, как младший сержант, не мог, видимо, представлять свою деятельность перед столь высокопоставленной комиссией. Перечислив все профилактические мероприятия, в заключение он сказал: «Гриппа в свою часть мы не допустим!». Зная о возможных последствиях такого заявления, пришлось потревожить наиболее звездного из генералов (кажется, генерал-полковника) просьбой о разрешении обратиться к командиру части. Я сказал: «Товарищ полковник! Вирус гриппа, к сожалению, приказам не подчиняется, поэтому его вспышка среди личного состава может полыхнуть в любое время». И получил ответ: «Не преувеличивайте опасности, товарищ Хадарцев! Мы не должны допустить вирус в часть!» Через два дня в ротах насчитывалось 150 больных, а через неделю уже более 400!

На ликвидацию вспышки был мобилизован весь личный состав лазарета, однако, в роты вольнонаемные не имели права ходить. А две—три палаты на втором этаже старого монастырского здания не могли вместить более пятна-

дцати человек. Солдаты лежали в казармах. Ежедневные обходы и измерение температуры утром и вечером позволяли выявить более тяжелое течение гриппа и наличие осложнений. При этом солдаты с верхних коек (койки были двухъярусные везде, кроме роты постоянного состава) перемещались на нижние ярусы – для более удобного оказания медицинской помощи.

Обходы я делал с 4 военными фельдшерами срочного призыва. Это были – Толя Палкин, Володя Кузьменко, Анджело (имевший итальянские корни, но родом из г. Горького, откуда и призывался), и еще один Володя из подмосковного Ногинска, внешне похожий на теперешних «крутых качков». Лечение осуществлялось только раствором салициловой кислоты (двадцатилитровую бутылку с которой перетаскивал Толя Палкин, прижав ее к животу и обхватив обеими руками), а также аспирином и аскорбиновой кислотой. Но уже через неделю появились первые случаи гриппозной пневмонии. Окружной госпиталь был переполнен. В лазарете не было ни антибиотиков, ни сульфаниламидов. Возникали сложности с транспортировкой солдат в районную больницу, которая также еле-еле справлялась с потоком постгриппозных осложнений. Многократные повторные телеграммы в госпиталь о необходимости помочь в поставке антибактериальных и противо-

вирусных средств оставались без ответа. Обращение непосредственно в штаб ВВС МВО также не возымело успеха.

Запомнился эпизод, когда по поручению командира части я выходил по спецсвязи в округ для доклада об эпидемической обстановке и получения возможной медикаментозной помощи. Связь была безобразной, сквозь хрипы и завывания голоса были еле слышны. Помню, наш телефонист во время многократных попыток соединиться с Москвой матерился, не получая отклика на позывные: «Рокада! Рокада! Твою мать, где ты?». Почти через 30 лет, перед прибытием в Тулу министра обороны Грачева, мне пришлось присутствовать при попытке аналогичной связи с Москвой в кабинете начальника Тульского гарнизона. Будучи председателем Комитета по здравоохранению (бывшего облздравотдела) в 1992–1993 годах — обеспечивал встречу с министром, приезжавшем в связи с тяжелой болезнью своего отца. К удивлению, за стенкой, вперемежку с изысканными русскими выражениями, слышал знакомые позывные: «Рокада! Рокада!» и такой же хрип в динамиках, и те же завывания. Правда, когда приехал генерал, в багажнике одного из его служебных «Мерседесов» оказалось устройство связи, поддерживающее нормальные эфирные контакты.

Так вот, не получив никакого отзыва на свои обращения за помощью, пришлось в нарушение существующего порядка вместе с заведующей аптекой нашей воинской части ездить по городским аптекам и выменивать имевшийся в наличии избыток аскорбиновой кислоты на необходимые лекарственные препараты. Зато лечение солдат осуществлялось по всем правилам, и исходы болезни у всех были благополучными.

Прошел месяц. Регулярно подаваемые в округ сводки констатировали отсутствие новых случаев заболеваний. В лазарет на смену гриппу пришли обычные солдатские болячки: потертости ног, чесотка, фурункулез. Сижу, заполняю истории болезни. Стук в дверь. Поворачиваюсь. Передо мной стоит небольшого роста, плотный, отягощенный брюшком майор. Лицо открытое, румяное, располагающее, глаза-щелочки с хитрецей, весь чем-то напоминающий гоголевского Чичикова. «Разрешите обратиться! Майор Козьменков прибыл в Ваше распоряжение сроком на месяц согласно приказу штаба округа!» Встаю навстречу, подаю руку, говорю: «Здравия желаю, товарищ майор! Будем знакомиться. Младший сержант Хадарцев, и.о. начальника медслужбы Вышневолоцкого гарнизона!». И, сняв с плеча медицинский халат, показываю две красных лычки на зеле-

ном погоне. Удивленные глаза, потом искренний смех. Сели. Поговорили о житье–бытие.

Сергей Андреевич Козьменков руководил медслужбой Воронежского военного училища (не помню какого), получил приказ о командировке в город Вышний Волочек вскоре после моего обращения в штаб округа, но майор в то время находился на лечении по поводу гипертонического криза. Выздоровев, обратился по инстанции. Велено было выполнять приказ. Обсудили ситуацию. Проанализировали результаты работы лазарета во время эпидемии. Никакой необходимости в пребывании майора на вышневолоцкой земле не было. Тем более, что своей работы в Воронеже у него было невпроворот, да и имелись кое-какие семейные проблемы.

Согласовали действия с командиром, послали в штаб округа подробное донесение о состоянии заболеваемости в части и об отсутствии надобности в какой-либо помощи со стороны откомандированного офицера. Ответ был кратким и по-военному бессмысленным: «Майору Козьменкову исполнять приказ, через месяц доложить о выполнении!». Сергей Андреевич поначалу взгрустнул, но потом мы договорились, что он побудет «в гостях» дня два или три, а потом поедет навестить своих родственников в Ленинград, затем вернется в Волочек и

отсюда доложит командованию об окончании своей миссии. В последующем все так и произошло. А с Сергеем Андреевичем долгие годы потом мы обменивались письмами и поздравительными открытками.

Как раз в это время ко мне приехала дня на три жена. Получив увольнительную, решили с Сергеем Андреевичем вместе отпраздновать это событие в ресторане. Оба были в военной форме, но патрули, видя рядом с младшим сержантом старшего офицера, не придирались, хотя дважды показывались у входа в зал, косясь на необычного посетителя.

Пили водку, но немного, закусывали обычными для того времени ресторанными блюдами. Играла музыка. Майор очень здорово вальсировал с моей женой, сказывалась старая офицерская школа, где умение танцевать ценилось наравне с офицерской выправкой. До сих пор она вспоминает ту необыкновенную легкость, с которой этот с виду кругленький и неуклюжий человек кружил ее по залу между столиками.

Ковыряя вилкой неизменный салат, вдруг отчетливо услышал: «Сан Саныч!» Оглянулся. Никого из знакомых не видно. Только за столиком слева кто-то читает газету, заслонив ею лицо. Как раз к столу вернулись танцоры. Начали говорить друг другу комплименты. Вдруг

слышу снова, но громче: «Сан Саныч!» Теперь уже точно – голос исходит из-за газеты и становится узнаваемым. Скосив глаза, замечаю знакомые черты. «Евгений Иванович, давайте к нашему столу!» И, действительно, за соседним столом видим улыбающееся лицо майора Горбунова, чернского военкома, проездом в Бологое остановившемся пообедать в Вышнем Волочке (по высказанной им официальной версии). Несмотря на предельную четкость изложения, замечаю некоторое смущение во взгляде. Ну, да пусть истинная причина его визита в ткацкий городок останется военной тайной! Объединившись, подняли тосты за превратности судьбы, за неизбежные случайности. Горбунов даже успокоился, убедившись, что его призывник не так уж плохо устроился, если имеет возможность бывать в ресторане, и не один. К сожалению, это был единственный эпизод посещения общественного увеселительного заведения за все время службы. Поговорили о Черни, о моей дальнейшей судьбе, немного о политике. Расстались, удовлетворенные жизнью и своим в ней участием.

Наступило лето. Как всегда, а в Волочке и подавно, – с комарами, писк которых по ночам выводил из себя, да и с достаточно жаркой погодой. Не только курсанты, но и офицеры от

жары становились малоподвижными и искали удобного случая, чтобы поплавать в речке, посидеть в тени растительности, к северу от Москвы какой-то уж очень зеленой и прохладной. Несколько раз с фельдшерами мы также выезжали «на природу», часа на полтора, ощущая необыкновенную свободу. Казалось, будто ты уже «на гражданке» и волен поступать так, как заблагорассудится.

Именно такие чувства, по всей вероятности, лежат в основе участвовавших в последние годы побегов солдат из мест прохождения службы. Ведь в отсутствие имевшего место в советские времена идеологического единства, тормозящего необдуманность и непредсказуемость поступков, на первое место выходит вседозволенность, основанная на примитивном понятии демократических принципов. Конечно, мы в те годы ощущали путы «пропаганды и агитации», видели лицемерие части партийных чиновников, расхождение их слов с делами. Но массовое восприятие принципов коммунизма, этого идеального, а значит не достижимого, будущего в сочетании с достаточно большим удельным весом страха, генетически доставшегося всем нам, – ограничивало желание расслабиться до расхлябанности и возможного преступления. Понятие свободы, как «осознанной необходимости», было основным для гражда-

нина СССР. Сбросив идеологические вериги, связанные с деятельностью всей однопартийной государственной системы, мы, к сожалению, не получили ничего взамен. Ценность любой партии без идеологии не выше принципов «партии любителей пива». Разноцветье общества необходимо, но не менее необходим тот стержень, который в нужные часы и минуты объединяет все общественные группы. Выход Ле Пена во второй тур президентских выборов во Франции и последующая победа Ширака с сокрушительным преимуществом из-за нежелания основной массы французов свалиться в болото радикализма – наглядный пример и недостатков, и преимуществ демократических государств. А вот казавшийся незыблемым в мире колосс социализма – СССР был разрушен в кратчайший срок. Достаточно было подменить стержневые понятия и пообещать суверенитета в любом количестве, а также преподнести массам в желаемом им свете нового вождя. Результат – еще долгие годы экономической нестабильности, соответственно и экономикополитической зависимости, неопределенность целей, внутренние разборки, возможное раздробление России.

Глава 4. Детские сны

Сахалин вновь материализуется в ощущениях. Сладкий запах газа или лигроина от автомашин. Гигантские (для нас семи- восьми-леток) «Студебеккеры», или как мы их называли, «Студики» – с необычными формами цельнометаллической кабины, высокими подножками... Они казались чудом техники по сравнению с полуторками, фанерные кабины которых, да газогенераторы (топившиеся мелкими чурками) – были в наших глазах признаком уходящего времени. Таким же, как самолеты «Ли-2», скопированные с американских «Дугласов», по сравнению с новенькими «Ил-12», увиденными нами на аэродроме в Южно-Сахалинске при отъезде. Резкий специфический запах эмалита, или чего-то другого, самолетного, сулил необычные воздушные приключения. Всего два ряда кресел, но это был уже комфорт, недоступный для перелетов на транспортниках. По тогдашним установкам офицерам на месте засиживаться не давали. На Сахалине мы несколько раз перелетали с одного конца на другой. Сестра Ольга на 12 день рождения уже впервые летела с нами из Отани (потом – поселок Сокол) в Торо (ныне – Углегорск). Названия были японские, но уже порядки были нашенские. По воспоминаниям отца

при первом приезде в 1945 году еще сохранялся обычай не закрывать двери фанз. Можно было войти в дом без хозяина, если тот чем-либо приторговывал, взять папиросы, или какую-либо безделушку, оставить деньги и уйти. В памяти жителей Сахалина прочно сидел старинный обычай: вору отрубали руку за каждый факт кражи. Во второй раз – мало кто решался на такое. Еще одно жестокое правило – хозяина загоревшегося дома, виновника пожара – бросали в огонь, потому что пожар мгновенно охватывал весь поселок (бумага, фанера, опилки!) Но уже через год, другой – наученные горьким опытом коренные обитатели острова стали изготавливать хитроумные запоры для своих жилищ. Однако, наши солдаты вновь проявили чудеса находчивости и научились взламывать любые замки любой конструкции. Халява – она и есть халява!

В тот памятный Новый Год, когда отец две с половиной недели провел в засыпанном снегом поезде по дороге от Южно-Сахалинска до Долинска, была сверхснежная зима. Может и сейчас там такое бывает? Не знаю. Нам приходилось откапываться, открыв вовнутрь дверь, уплотняя снег лопатами, и потихоньку вылезать на уровень крыши. Белое, искрящееся пространство на месте поселка, обозначенного только дымом из труб. Самих труб подчас не

было видно. Лишь вдалеке виднелись контуры второго этажа единственного двухэтажного дома. Между домами прорывались тоннели, по которым постепенно налаживалось сообщение между домами и учреждениями, важнейшим из которых для нас была школа. Учительница Елена Александровна Середина, молодая, красивая, — обучала нас, первоклашек в 1950 году. Сохранилась фотография, на которой моя фуражка, заброшенная кем-то, а может и самим мной на крышу, высветила подстриженную под ноль тыковку, как бы предвосхищая сегодняшнюю лысину.

Помню, как отец брал меня с собой на один из Курильских островов, где я был поражен увиденным. Верхушка сопки отодвигалась в сторону и оттуда, из сердца горы, вылетали самолеты. Это были сконструированные и построенные японцами подземные, а, точнее, «внутрисопочные» аэродромы. Недавно в прессе промелькнуло сообщение об одном из таких сооружений. Вообще, Курилы вспоминаются, как острова непроглядных туманов. Отец поднимал меня на плечи, и с двухметровой высоты в густом облачном безе видны были только головы взрослых людей, плывущие без туловищ по своим делам.

Но отца переводили в Ригу на курсы повышения квалификации, чтобы подготовить из

него преподавателя для летного училища. Собрав пожитки в несколько тючков и один большой, кожаный, купленный на Сахалине чемодан, в который спокойно мог поместиться взрослый человек, мы как раз и приехали в Южно-Сахалинск, чтобы лететь в Хабаровск, а оттуда на поезде в Москву и Ригу.

Помню солнечный слепящий глаза день, в котором наше воображение поразили не только новехонькие «Ил-12», но и ровные ряды совсем непривычных для тогдашних людей реактивных истребителей «МиГ-15», занимавших отдаленное поле аэродрома. Из разговоров старших было ясно, что эта новая, тогда еще секретная техника, и перегоняется она на войну в Корею. Вообще о военных действиях, да и о политике в целом не было принято говорить вслух. Физически ощутимый страх довлел над людьми. И это доходило до детского сознания также явно, как и постоянно внушаемая уверенность в гениальности вождя и незыблемости власти. Однажды исчез поселковый парикмахер, старый еврей, подстригавший наши чубчики. Оказалось, он, в присутствии посетителей выключил дребезжащий круглый диффузор – громкоговоритель во время трансляции какой-то речи Сталина. Этого было достаточно, чтобы стать «врагом народа»! Но и этот факт

обсуждению не подлежал. О взрывах атомных бомб уже в нашу бытность на Сахалине также никто не распространялся. О них мы знали только по карикатурам в «Крокодиле» на «поджигателей войны», да по шепоту родителей между собой.

Перелет в Хабаровск – обычный: с ревом двигателей и рвотой у женщин после каждого падения в «воздушные ямы», с закладыванием ушей, с ощущением затяжного прыжка с парашютом при взгляде вниз на гладь Татарского пролива под крылом, с периодическим хныканьем трехлетней сестренки.

Затем – ожидание поезда на хабаровском вокзале, до отказа забитом людьми (сидящими, лежащими на тюках, непрерывно жующими хлеб, сало, вареные яйца, изредка – обгладывающими куриные кости). Из динамиков, включенных на полную громкость, несутся песни тогдашних модных исполнителей – Нечаева, Бунчикова... «То ли луковица, то ли репка, то ль забыла, то ли любит крепко, как яблонька цвела...» или «Расцвела сирень, черемуха в саду на мое несчастье, на мою беду...». Кажется, что-то такое слышалось оттуда, как бы заманивая в новый, взрослый мир.

Позднее написалось:

Вокзалы старые: резные потолки,
засилье мрамора и бронзовых подвесов,
гранитный пол, окурки и плевки,
лимонный запах, хмель разгульных песен,
опухшие пропойцы, торгаши,
галдеж цыган, отпускники, солдаты,
мороженое, кофе, беляши,
в штормовках бородатые ребята.

Вокзалы – наши микрогорода!
Сложны, своеобразны их законы.
Но безотчетно тянет нас сюда:
в транзитные, прокисшие вагоны.

И вот мы в плацкартном вагоне! Знаем, что
в пути пройдет более недели, поэтому обжива-
емся всерьез, надолго, но без всякого комфорта.
Все интересно! И остановки на неизвестных
полустанках, и черный дым из паровозной тру-
бы, и чистейшие, наипрозрачнейшие воды Бай-
кала, тихо плывущие рядом с полотном дороги!
Из окон вагона были видны камни на дне этого
хрустального озера. Поезд почему-то очень
долго стоял около него. Тогда же впервые про-
буем на вкус байкальского омуля.

Колеса талдычат свои ритмы. Медленно
проходят дни и ночи. В вагонных проходах ре-
гулярно просят милостыню темнокожие бе-
женцы из Ашхабада (после тамошнего земле-

трясения). Цветасто-грязная, зелено-красная с черным одежда, разнокалиберные, преимущественно в соплях, ребятишки, платки, мониста, незнакомая речь.

Их сменяют инвалиды прошедшей войны. Безногие – на платформах с колесиками-подшипниками, стучащие по полу самодельными деревянными упорами. Слепые – в сопровождении усталых женщин, или мальчишек-поводырей. Чаше с гармошками, а то и с трофейными аккордеонами. Поют жалобные, иногда блатные, иногда популярные народные песни, ожидая скудного подаяния.

На длительных стоянках отец с чайниками выходит на станцию за кипятком. Пьем чай вприкуску, откалывая от кускового сахара щипчиками голубовато-искрящиеся фрагменты.

Москва нахлынула ночью заревом городских улиц, трамвайным звоном (звонки на трамваях еще не были запрещены), незнакомыми запахами большого города, но особенно не запомнилась. Правда, переезжая на такси с Казанского вокзала на Ленинградский, мы умудрились по милости хитроумного таксиста пробыть в пути около получаса, крутясь по каким-то переулкам, и заплатить кучу денег. Наше удивление не имело ни границ, ни подходящих слов, когда, рассчитываясь с шофером, отец с изумлением увидел напрямик через площадь

исходную точку – Казанский вокзал. Подходящее слово нашлось лет через пятьдесят. Мы в том состоянии были совершенными «лохами»!

Рига, тысяча девятьсот пятьдесят первый год. Въезжаем в нее рано утром. По привычке располагаемся на вокзальном диванчике поближе к выходу, устраиваем на узлах постель для сестренки, сладко досматривающей какой-то детский сон. Идем с мамой к светящемуся проему двери, за которой в утреннем полумраке отражаются на мокром асфальте разноцветные огни витрин. На лотке за стеклянной перегородкой – вафельные трубочки, никогда ранее мной не виданные. Их ванильный запах, хрустящая на зубах оболочка, тающая во рту начинка – до сих пор неповторимы (как и вкус сахалинских котлет)! Может оттого, что были ощущены впервые?

Погуляв по привокзальной площади, идем к своему временному пристанищу. Отец отправляется на поиски жилья и устраиваться на курсы. К вечеру ему удастся снять комнату на Дзирнаву иела (Мельничной улице). Комната располагалась в четырехэтажном высоченном старом доме, двор которого в виде колодца замыкали стены с множеством окон. Кажется, дом стоял почти в самом центре Риги. По соседству жил известный в то время писатель Ви-

лис Лацис, располагался кинотеатр «Сплendid Палас».

Хозяин квартиры – казах Кушкумбай. Его любимая присказка – «Шем могу – помогу!» Правда, квартплату регулярно взвинчивал. Скорее всего, по указке своей жены – мощной русской бабы, зачастую молотившей мужа громадными кулаками, загоняя его под кровать. Кушкумбай пил мало, но часто, пьянел быстро, но надолго. Так и ходил с постоянными синяками от супружеского воспитания.

Нас было пятеро: бабушка Александра Павловна (мамина мать), я с сестренкой, мама и папа. А кровать была одна, сданная в аренду хозяевами: солдатская, односпальная, с проволочным каркасом вместо пружин. Попросили у Кушкумбая (за деньги, конечно) три стула, положили на них два матраса – на кровать и подставленные к ней стулья, застелили простынями, и так все впятером спали поперек кровати, ногами на стульях. Правда, потом обзавелись «мебелью», купив этажерку для книг. Какие либо вещи покупать было бессмысленно, так как через год предстояло вновь переезжать, да и денег не было.

На купленную этажерку бабушка периодически выставляла свои иконы. Была у нее и лампадка. Молилась она регулярно, но, чтобы мы не видели. Помню, позднее, уже в Борисог-

лебске, утром 5 марта 1953 года, она растолкала меня, спящего на раскладушке, со слезами на глазах, приговаривая: «Шурик! Просыпайся! Беда-то какая, Сталин умер!» И тогда я увидел около икон горящую лампаду, стоящую и открыто молящуюся на коленях бабушку. Хотя прошлое ее вроде бы и не давало повода для такого отношения к умершему вождю. Со слов мамы, она была из купеческой семьи, или была взята замуж в нее. Об этом сама бабушка никогда не рассказывала. Вспоминала детство, когда в деревне на покос отправлялись мужики, и им на обед отпускался хозяином ломоть черного хлеба и половинка вкрутую сваренного яйца. На отдаленный край ломтя клалось яйцо, вначале съедался хлеб, и только затем заветная бело-желтая половинка. Иногда она кормила нас тюрей, показывала, как раньше вскармливали детей разжеванным мякишем, укутанным в марлевый лоскуток. Умело настругивала лучины, и в сахалинский период, когда не было света из-за отсутствия керосина, налаживала освещение в комнате, при котором (и это в пятидесятых годах 20 века!) я готовил домашние задания. Керосиновые лампы были в то время основным источником света. Однажды, сестренка наклонилась над лампой и ее кудряшки (в то время светленькие) вспыхнули. Я со всей силы хлопнул ее по лбу, послышался рев, и мне

досталось от матери, которая не разобралась в моих благих намерениях.

Так вот, часть бабушкиных воспоминаний свидетельствовала об ее близости к деревенской жизни. В то же время она рассказывала, как, кажется в 1905 году, присутствовала в цирке на чемпионате мира по вольной борьбе в Нижнем Новгороде, и видела самого Ивана Поддубного. Правда, впечатления от чемпионата были у нее не однозначные: «Толстые мужики, нутуживаются, мнут друг друга, портят воздух! Что в этом хорошего?» Поездка в Нижний была не всем доступна в то время! Мама вспоминала также детство, в котором были памятли связки колбас и окорока в большом количестве. Голодная предвоенная и послевоенная жизнь заставляла ее обращаться к воспоминаниям такого рода. Из-за известных только бабушке опасений она не рассказывала ни нам, ни маме, родившейся в 1920 году, ничего из своей прошлой жизни. Помнится только, что она говорила как в одночасье поседела после того, как в их дом стучали и стреляли боевики из банды хозяйничавшего на Тамбовщине Антонова. Только крепкие запоры изнутри спасли ее. Бандиты вроде бы ошиблись домом, и, после их отъезда, вышедшую на крыльцо бабушку встретила соседка с испугом и удивлением:

«Павловна! Что это с тобой? Глянь в зеркало! Ты же вся белая!»

И снова Рига! Она поражала, видимо, как и сейчас, какой-то необычной свежестью, темной, иссиня-серой поверхностью Киш-озера, теснотой улочек старого города, легкостью кораблей на рейде, громадой Домского собора, неопределенным, но памятно-историческим рижским запахом. Тогда еще стоял в Риге дуб, посаженный, согласно табличке, еще Петром I. Через много лет, в 1984 году, будучи в Испании, улочки Толедо напомнили мне (и – только!) специфику старой Риги. До сих пор помню пропитанный свежим мясным запахом крытый павильон рижского рынка. Скверы и фонтаны. Сказочность жизни. Театр оперетты. В «Спленидид Паласе» отцу удавалось доставать билеты на трофейные фильмы. Это – «Индийская гробница», «Шведская спичка», и, конечно, «Тарзан», несколько серий которого удалось посмотреть. Пацаны из нашего двора, да и всех дворов того времени, связывали бельевые веревки, цепляли их к деревьям, а то и балконам домов, и с тарзаньими криками «Аа-а-Аа» перелетали с места на место, или с балкона на балкон. В соседнем дворе мальчишка, подражая любимому герою, сорвался с 5 этажа и разбился насмерть. Искали литературу про приключения. У соседа обнаружились тоненькие

книжки числом до двадцати о приключениях Тарзана. Зачитывались и стар и млад.

Но уже в то время бросалось в глаза неприязненное отношение части латышей к русским, особенно – военным. Согласно приказу отец не имел права в одиночку и без оружия ходить по старой Риге, бывали случаи нападения и убийства военнослужащих. В некоторых магазинах маме не отпускали товар, мотивируя это своим незнанием русского языка, либо вообще не обращая внимания на человека, говорящего по-русски.

Через некоторое время пришлось искать другую квартиру. Видимо, Кушкумбай (или его супруга, что более вероятно) нашел более выгодных квартирантов. Теперь мы жили на Стрелниеку иела (Стрелковой улице). В том же доме жил, как оказалось, герой-молодогвардеец Радик Юркин (тот самый парнишка из «Молодой гвардии», который участвовал в казни предателя). Это был молодой военный врач, кажется, лейтенант, носивший сапоги под брюками навыпуск. При движении ног голенища сапог некрасиво оттопыривали штанины морских клешей. Такие детали бросались в глаза, пока я ожидал кого-то из своих друзей, а сын Юркина – Юра играл в песочнице. Но, когда я поднял глаза, то увидел и узнал человека, накануне приходившего к нам на встречу в школу в каче-

стве героя-молодогвардейца. Уважение к маленькому Юрке сразу возросло до невообразимой величины и я предложил ему свое покровительство и защиту, как старший по возрасту (Юрке было 4–5 лет).

Кстати, о школе. Не помню, на какой улице она располагалась, но запомнилась хорошая атмосфера в ней. Сдав экзамены экстерном за второй класс, пропущенный из-за болезни и переездов, в 1952 году поступил в 3 класс этой начальной школы. Учился в ней не долго. В несколько месяцев учебы начал постигать школьный курс латышского языка, до сих пор помню какое-то стихотворение: «Падемью земе скола, висием дурвис вер и т.д.» В школьной самодеятельности занялся художественным чтением (читал отрывок из гайдаровского Р.В.С.), несколько раз посетил кружок танцев (полька, краковяк, но без особого успеха), хотя очень хотел петь. Может от медвежьего мяса на Сахалине (при встрече там же с медведем мы вроде бы разошлись без травмы ушей), но слух мой отличался всегда своим уровнем близким к нулю. Учитель пения, старый латыш-интеллигент, прослушав в моем исполнении песенку: «Капитан, капитан, улыbnитесь!», чуть не заплакал. Памятны его слова: «Мальчик! Ты можешь заниматься чем угодно – спортом, чтением, даже танцами. Но никогда, понимаешь, никогда не

пой!» Он оказался прав, хотя я не один раз пытался преодолеть это табу.

О встрече с сахалинским медведем вспомнилось не случайно. Это было в поселке Сокол. Лето стояло, как всегда, знойное и влажное. Семи-, восьмилетние ребята искали приключений. В то время не было телевизоров, кино привозили редко (кинотеатра, конечно, в маленьком военном городке не имелось), книги доставались с большим трудом, поэтому общение с не многочисленными сверстниками представлялось единственной возможностью познавать окружающий мир. Изредка ходили друг к другу на дни рождения, с родителями прогуливались вдоль узкоколейки, иногда удавалось прокатиться на единственном в поселке мотоцикле, хозяином которого был наш сосед. Но слухи о японцах, бродящих по сопкам вокруг поселка, периодически возникавшие лесные пожары, хуже курильских туманов занавешивающие небо слезоточивым дымом, дальние выстрелы, после которых автомашины с солдатами вдруг проносились по немym улочкам поселка, – будоражили детское сознание. Собрав своих погодков, в числе которых была дочка единственного в полку Героя Советского Союза, я предложил им пойти к дальней сопке, на которую упал незадолго до этого дня самолет. Взяли с собой фляжку с водой, и, как были – в

майках и трусах, пустились в путь. Раньше самому мне ходить к сопке не приходилось, но я слышал, как водитель генерала Белоконя рассказывал, что дорога туда начинается прямо за поселком, переходит в натопанную тропу до той самой сопки.

Этого водителя я вначале считал человеком необыкновенным, когда увидел огромную (по тем меркам) автомашину, крытую черным лаком (это была известная, но недоступная для простых смертных «эмка»), и солдата, легко управляющего этим монстром. Но у меня был щенок по кличке Кубик, белый, с черными пятнами, совсем маленький, еще не твердо стоящий на ногах. Это был подарок отца. Однажды, выйдя из дома, я увидел, как по пыльной дороге несется машина генерала, а посередине колеи стоит Кубик, неизвестно как прошедший несколько метров от изгороди. Других машин не было. Видимость отличная. Однако водитель все-таки наехал на собачонку и раздавил ее. Пришлось закопать растерзанное тело неподалеку, но оставить это без возмездия я не смог. Вечером, когда машина генерала была оставлена на ночь около дома, я сапожным шилом проколол ей все четыре ската, хотя пришлось изрядно попотеть, — силенок не хватало. На следующий день вечером отец рассказывал матери, что из-за проколотых шин генерал отло-

жил поездку в Долинск, а особист части начал опрашивать соседей на предмет исключения диверсии со стороны бродячих японцев. Солдату, кроме порции потрясающего мата, более ничего не досталось. Так и возил Белоконя вплоть до увольнения, но машину больше около дома генерала не оставлял. Водитель он был, видимо, отменный, а человек – не очень.

Понадеявшись на услышанные сведения о дороге к сопке, и зная, что вдоль нее расположены дикие малинники, я повел за собой своих друзей за приключениями. Вначале все было необыкновенно легко. Топаем по тропе, играем в догонялки, в разведчиков, но от дороги инстинктивно далеко не отходим. Солнце прижаривает, лесные ручьи прохладными змейками извиваются между необычно зеленой травой, изредка встречаются ярко-красные россыпи костяники. И вот уже приближаются заросли малины. Собираем ее в майки, после того, как до отвала наедаемся сами. Ведь хочется и родителей побаловать и угостить друзей, которые остались в поселке, не захотев пойти с нами. Вдруг одна из девочек вскрикнула: «Ребята! Что это?» Подбегаем к ней. На дне ручья, в темном или блестит какой-то предмет. Наклоняюсь, осторожно вытаскиваю то ли штык, то ли тесак, еще не успевший заржаветь. Лезвие острое. На нем – иероглифы. Вначале эта на-

ходка придала сил: появилось оружие и мы в этом лесу не беззащитны. Но в то же время подумалось, что оружие могло быть потеряно кем-то из тех самых японцев, о которых столько слышали в рассказах родных. Я сказал: «Давайте говорить только шепотом. Слушайтесь меня!». Может быть, это было детским желанием укрепить свое положение вожака, но возникшее у всех чувство опаски здорово нам помогло. Только мы хотели вернуться от кустов малины и ручья к тропе, как послышались взрослые голоса. Я скомандовал: «Ложитесь на траву, головы не поднимайте!» Малинник был густой, мы – маленькие, загорелые. Это нас и спасло. По тропе мимо нас на расстоянии семи или восьми метров прошли в направлении той самой сопки, которая была целью нашего похода, шесть человек, говоривших между собой по-японски. Об этом свидетельствовала и их внешность, и особенности речи, отличающие их от корейцев. Более того, за плечами у двоих были винтовки, шли они достаточно быстро, говорили негромко. Поселок был маленьким, таких людей в нем раньше я не видел, поэтому решил, что нужно еще некоторое время выждать, а уж потом идти, но только не к сопке, а домой. Проведя с полчаса на траве, мы уже устали, девчонки начали хныкать, да и земля близ ручья была достаточно прохладной. Все подня-

лись и, держась, как можно ближе друг к другу, двинулись в обратном направлении. Правда, пошли рядом с тропой, чтобы в случае необходимости спрятаться. Детским шагом мы преодолели достаточно большое расстояние (позднее нам сказали, что этот путь составил несколько километров и почти привел нас к цели), тем более что тропа все время поднималась в гору. Но обратно бежалось легко. Благополучный исход приключения прибавлял сил. Холодное оружие придавало храбрости. Уже все проголодались. Решили подкрепиться малиной. Негромко переговариваясь, прошли в кусты и начали свой лесной обед. Внезапно из-за огромного куста начала вырастать урчащая, коричневая, двухметровая фигура медведя, лакомящегося дарами природы. Тут уж оружие не помогло. Выронив его, с громким криком я понесся по направлению к дороге, к японцам, но — к людям. Остальные — за мной. Бедолага медведь с ревом и хрустом ломаемых кустов помчался в противоположную сторону, видимо испугавшись неожиданного детского ора. Через некоторое время, успокоившись, мы поняли, что заблудились. Тропинки похожи одна на другую, а при скоростном беге от косолапого не было времени разбирать, куда несут ноги. Хорошо, что наша тропка вывела вновь на знакомую истоптанную тропу, показавшуюся ог-

ромной дорогой. Но уже дело было к вечеру. Обнаружились потери маек, брошенных где-то. Появились вновь слезы. Приблизившись к поселку, увидели несущуюся навстречу нам полуторку, в кузове которой узнаем мужскую часть своих семей и солдат. Обрадовались. Бежим к ним. Машина резко останавливается. И, вместо радостных объятий, попадаю в руки отца, который мгновенно снимает ремень от планшетки и начинает воспитательную порку, пока нет мамы. Остальным досталось в большей или меньшей степени.

Оказывается, нас хватились к обеду. Начали поиски, расспросы соседей. В комендатуру поступило сообщение, что в сопках находится небольшой отряд японцев, высадившихся с Хоккайдо и преследуемый оперативниками. А когда один из наших сверстников признался, что я организовал поход в сопки еще утром, естественное беспокойство переросло в нешуточную тревогу. Был выделен отряд солдат на поиски, к которому присоединились наши родители с табельным оружием. Их то мы и встретили на подходе к поселку. Дома ждало продолжение «воспитательной работы».

Это я все вспомнил к тому, что тот медведь никак не смог бы мне наступить на ухо. За то наша встреча с ним помогла в отработке далеко слышного голоса.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I. Еще да!	3
Про «еще» и «уже»	5
Блуждания любви	7
Ищите женщину	8
Золотой мираж	9
Ты такая	11
Сестричка	12
Ну и пусть	13
Постоянство	14
 Часть II. Виртуальный оптимизм	15
Гарики и Шурики	17
На Дерибасовской хорошая погода	19
Раньше и теперь	20
Рождество	21
Три девицы	22
Чайник	24
Гуманитарная катастрофа	25
Все ли ?	26
Воздушные замки ?	27
Параллели	29
Норд-Ост	31
2003 год	32

Часть IV. Заметки на полях	57
«Кинотеатр «Олбани» и там же клуб «Премьер»	59
На Посольской	60
Сенечка и кошка	61
Междисциплинарный экзамен	62
«Вступив в эпоху исхуданья ...»	63
«С Новым годом! С новым счастьем!»	64
 Часть V. Проза	 65
Шалдон	67
Воспоминаний ветерок	107

Литературно-художественное издание

А.Хадарцев

СПИЧКА ЖИЗНИ

Стихи и проза

Подписано в печать 14.06.03 г.
Тираж 250 экз. Заказ №

Отпечатано с оригинал-макета в Государственном
унитарном издательско-полиграфическом
предприятии «Тульский полиграфист»
300600, Тула, ул. Каминского, 33